
Патриция Кеннеди Гримстед, Ф. Дж. Хугевуд и Эрик Кетелаар, ред., «Возвращение из России: нацистское разграбление архивов в Западной Европе и недавние проблемы реституции»

Переведено с: Patricia Kennedy Grimstead, F. J. Hoogewoud, and Eric Ketelaar, eds., *Returned from Russia: Nazi Archival Plunder in Western Europe and Recent Restitution Issues*

Patricia Kennedy GRIMSTED

Journal of Cold War Studies

Нужно процитировать эту бумагу?

Получите цитату в стилях MLA, APA или Chicago

Хочешь еще таких документов?

Загрузить пакет соответствующих документов в формате PDF

Поиск в каталоге Академии, состоящем из 47 миллионов бесплатных статей.

Патриция Кеннеди Гримстед, Ф. Дж. Хугевуд и Эрик Кетелаар, ред., «Возвращение из России: нацистское разграбление архивов в Западной Европе и недавние проблемы реституции»

Patricia Kennedy GRIMSTED

Journal of Cold War Studies

[Original Paper](#)

Аннотация

В 1993 году, когда два гражданина Японии были убиты в Камбодже во время оказания помощи миссии ООН по восстановлению этой несчастной страны, Дзюньитиро Коидзуми, тогдашний министр почтовой службы и телекоммуникаций, а затем более известный премьер-министр Японии, заявил, что, хотя такой вклад Япония должна Обращение к международному сообществу долго обсуждалось, никто никогда не предполагал, что в этом процессе придется проливать кровь. Он призвал правительство вывести японский персонал из миротворческой операции на том основании, что Япония представляет собой особый случай. Десять лет спустя Коидзуми стал движущей силой значительного расширения масштабов и характера международного вклада Японии в «Коалицию желающих» в Афганистане и Ираке и вокруг них. Этот эпизод демонстрирует резкое изменение отношения внутри Японии к взаимодействию страны с внешним миром. Во время холодной войны «трудно было представить себе другую крупную страну, которая проводила бы более успешную внешнюю политику, которая принесла бы процветание и безопасность своим

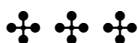
гражданам с минимальными затратами» (стр. 1). Однако сразу после окончания холодной войны Япония подверглась резкой критике за ее предполагаемое безделье и неспособность внести надлежащий вклад в деятельность международного сообщества. Понятие «международного вклада» Японии составляет особый фокус этой книги, которая является результатом совместного проекта Японского форума по международным отношениям и Брукингского института. Первоначальные результаты должны были быть опубликованы в 2001 году, но в ответ на события 11 сентября первоначальные планы публикации были отложены, чтобы можно было учесть влияние этих событий. Это было разумное решение. На рубеже тысячелетий по международным отношениям Японии выпускался постоянный поток учебников и исследовательских монографий, в отличие от небольшого количества научных исследований, существовавших ранее. Этот поток научных исследований выявил ряд новых тенденций, которые стали более отчетливо проявляться с сентября 2001 года. В результате решения переориентировать первоначальный проект и учитывать эти тенденции, этот долгожданный сборник эссе отличается от нескольких конкурирующих томов. Авторы представляют некоторых ведущих ученых, работающих в настоящее время в США и Японии, а редакторы построили свои главы в логическом порядке.

мода. Помимо вводной и заключительной глав, книга разделена на три основных раздела, в которых исследуется международный вклад Японии – положительный или отрицательный – в области безопасности, экономики и региональной дипломатии. В разделе, посвященном политике безопасности Японии, рассматриваются предложения по пересмотру статьи 9 японской конституции об отказе от войны, участии в миротворческих операциях Организации Объединенных Наций и альтернативной оборонительной позиции для многосторонней безопасности. Раздел, посвященный экономическим отношениям, посвящен реакции Японии на изменения в глобальной экономической среде, ее роли в построении стабильных международных финансовых отношений и ее реакции на восточноазиатский экономический и финансовый кризис 1997-1998 годов. Наконец, раздел, посвященный региональной дипломатии, освещает коллективную военную память и «историческую проблему» в отношениях Японии с ее восточноазиатскими соседями, отношения Японии с Бирмой по вопросу прав человека и подъем Китая.

Как всегда бывает с отредактированными томами, эта книга представляет собой что-то вроде яйца священника; однако три главы особенно поучительны. Вступительная глава Майка Мотидзуки обеспечивает необходимый контекст для обсуждения расширения международного вклада Японии и подчеркивает противоречия между интернационализмом и национализмом, с одной стороны, и союзом с Соединенными Штатами и автономией, с другой. Глава 2, написанная Коно Масару, подчеркивает важность внутренних источников, которые активно

способствовали или, по крайней мере, позволяли расширению международного вклада Японии. К ним относятся изменение предпочтений и стратегий ключевых политиков и крах социалистической оппозиции. Наконец, вывод Томаса Бергера объясняет богатство информации, содержащейся в главах, в свете концепции Японии как «адаптивного государства». Другими словами, хотя политика в Японии по-прежнему носит фрагментарный и постепенный характер, она становится все более плюралистической. Более того, японское государство и его народ адаптировались к более изменчивым обстоятельствам международной обстановки после Холодной войны, создав либеральный консенсус относительно надлежащей роли Японии в мире и приступив к постепенным изменениям, которые существенно повлияли на ее внешнюю политику. Отредактированные тома слишком часто лишены связности и просто представляют собой случайно выбранный сборник эссе. Никакие подобные обвинения не могут быть выдвинуты в адрес этой книги, которая включает в себя хорошо написанное введение и заключение, которые систематически связаны с главами.

Моя единственная критика носит по большей части тривиальный характер и никоим образом не умаляет ценности этой книги. К сожалению, некоторые главы, похоже, не извлекли пользы из длительного периода вызревания после 11 сентября и не отражают изменений, порожденных «войной с террором». Кроме того, сохраняются некоторые редакционные нестыковки и опечатки. Наконец, ряд других областей, например, экологическая политика, заслуживают места в книге. Остается надеяться, что в результате этого проекта выйдет еще одна книга. Несмотря на эти незначительные недостатки, эта книга вносит важный вклад в дискуссию о природе внешнеполитического поведения Японии и будет интересна как студентам, так и исследователям, являясь отличным дополнением к любому курсу по международным отношениям Японии.

Грегг Бразински, «Строительство нации в Южной Корее: корейцы, американцы и становление демократии». Чапел-Хилл: Университет Северной Каролины Press, 2007. 328 стр. 45 долларов США.

Рецензия Роберта М. Хэтэуэя, Международный центр ученых Вудро Вильсона

С точки зрения Вашингтона, округ Колумбия, Республика Корея (РК или Южная Корея) представляет собой редкую породу: успешный пример национального строительства. Среди десятков стран, вышедших из колониализма после окончания

Второй мировой войны, Республика Корея является одной из немногих избранных, достигших как экономического процветания, так и политической демократии. О том, как Республика Корея совершила переход от нищеты и деспотизма к плюрализму и изобилию – и какую роль в этом пути сыграли Соединенные Штаты – является темой книги Грегга Бразински «Строительство нации в Южной Корее», долгожданного дополнения к серии «Новая история холодной войны» под редакцией Джон Льюис Гэддис.

Успех корейского эксперимента не был предопределен. Бразинский цитирует Одда Арне Вестада, который обнаружил, что из более чем 30 постколониальных стран, в которые Соединенные Штаты вторглись с 1945 года, только Южная Корея и Тайвань достигли как экономического роста, так и стабильной демократии. По мнению Бразинского, государственное строительство США и южнокорейское агентство работали в тандеме, чтобы способствовать послевоенному развитию Республики Корея. Оба элемента были ключевыми. Но действия Южной Кореи и то, как южнокорейцы принимали, отвергали и модифицировали американские идеи, были наиболее решающими факторами в трансформации страны. Южнокорейцы адаптировались к влиянию США «с той же гибкостью и творческим подходом, которые долгое время отличали их отношения с другими более сильными державами» (стр. 7).

«Строительство нации в Южной Корее» охватывает период от краха японского колониализма в Корее в 1945 году до конца военного правления в 1987 году, но основное внимание уделяется периоду 1945–1972 годов. На протяжении всех этих лет официальные лица США пытались сбалансировать свое стремление к политической либерализации в Южной Корее со своей озабоченностью по поводу безопасности и стабильности, а также своей решимостью способствовать экономическому развитию Республики Корея. Часто, когда приходилось делать выбор, безопасность и стабильность преобладали над всем остальным. По крайней мере трижды – в 1945–1948, 1960–1961 и 1979–1980 годах – США. действия «оказались жизненно важными для прихода к власти автократов за счет правительств или политических лидеров, которые пользовались более сильной поддержкой народа» (стр. 251). Тем не менее, утверждает Бразинский, в первых двух из этих случаев поддержка США Ли Сын Мана, а затем и Пак Чон Хи предотвратила результаты, которые были бы еще менее счастливыми для Республики Корея.

Некоторые придут к выводу, что Бразинский слишком снисходителен к политике США, которая поддерживала военных лидеров в Корее на протяжении 40 лет. Бразинский с готовностью признает, что строительство антикоммунистического бастиона на южной половине Корейского полуострова потребовало «огромных затрат» не только от южнокорейского народа, но и от американских архитекторов.

«Американцы пожертвовали не только своей жизнью и ресурсами, но и своими идеалами» в своем проекте построения корейской нации, заключает Бразинский (стр. 40). Тем не менее, добавляет он, «некоторые долгосрочные последствия действий США в Южной Корее оказались лучше, чем стоящие за ними намерения» (стр. 253).

Как напоминает нам Бразинский, Соединенные Штаты, как правило, придавали важность тому, чтобы даже неспециалисты обращали какое-либо внимание на роль Великобритании в регионе после 1956 года. Поэтому исследование Стивенем Блэквеллом обстоятельств британской военной интервенции в Иорданию в 1958 году можно только приветствовать. в дополнение к уже значительному объему научных исследований, направленных на освещение этой роли Великобритании после 1956 года. Хотя книга Блэквелла не меняет основных линий интерпретации британской интервенции, изложенных в более ранних работах, включая мое собственное исследование «Эйзенхауэр, Макмиллан и проблема Насера» (Нью-Йорк: Макмиллан, 1996), она предлагает значительный объем полезная и важная деталь, позволяющая составить представление о британской политике того периода. Особой похвалы заслуживает тот факт, что Блэквелл добыл недавно рассекреченные материалы в Британском национальном архиве, чтобы обновить свою докторскую степень. диссертацию, которая была первоначально завершена более десяти лет назад.

Блэквелл утверждает, что британский политический истеблишмент придерживался конкурирующих позиций, которые он называет «арабистскими» и «интервенционистскими». Даже после Суэцкого разгрома интервенты, в число которых входили такие влиятельные фигуры, как начальник имперского генерального штаба генерал сэр Джеральд Темплер, выступали за расширение британских операций на Ближнем Востоке с целью искоренить влияние президента Египта Гамалы Абдель Насера. Когда в июле 1958 года пала иракская монархия, интервенты воспользовались возможностью действовать. Они рассматривали британскую военную интервенцию в Иордании как первый этап более широкой операции, которая должна свергнуть революционеров в Ираке и, возможно, распространиться на Сирию и Египет.

Между тем «арабисты», в состав которых, что неудивительно, входил ряд ключевых чиновников министерства иностранных дел, а также несколько влиятельных военных деятелей, таких как Первый морской лорд Луис Маунтбаттен, не верили, что Великобритания обладает военным потенциалом для проведения таких операций. Более того, они не думали, что военные действия будут эффективны ни для победы над Насером, ни для сохранения прозападных режимов в регионе. Скорее, более искушенные сторонники этой позиции в министерстве иностранных дел, в том числе заместитель заместителя министра сэр Роджер Стивенс, утверждали, что Британия должна признать, что арабский национализм является органичным

движением. Его не создал Насер; и он не контролировал это. Более эффективной британской стратегией было бы использовать информацию, пропаганду и убеждение, чтобы попытаться направить арабские националистические настроения в направлении, которое было бы менее разрушительным с точки зрения британских интересов в регионе.

Премьер-министр Гарольд Макмиллан, который в конечном итоге обладал решающим голосом в этих дебатах, был интервенционистом по темпераменту, но арабистом по размышлениям. Хотя он тоже первоначально рассматривал интервенцию в Иордании как стимул для более широких действий в регионе, он быстро отступил от этой позиции, как только стало ясно, что администрация Эйзенхауэра не окажет поддержки общей кампании против Насера. Блэквелл заключает, что одновременная интервенция США в Ливане не была частью совместной англо-американской операции. Скорее, каждая держава действовала по своим собственным причинам, хотя британцам, не имевшим необходимой материально-технической поддержки своих сил в Иордании, требовалась помощь США. Фактически, администрация Эйзенхауэра была справедливо осторожна в своем более широком подходе к региону. Как откровенно признал госсекретарь Джон Фостер Даллес, Соединенные Штаты были просто «недостаточно искушены» в своем понимании внутренней политики Ирака, чтобы рассматривать возможность любого прямого вмешательства по мере развития ситуации.

Если и есть слабость этой книги, так это то, что действующие лица из числа коренного населения, особенно король Иордании Хусейн, предстают как одномерные персонажи. Блэквелл не проводил работу в самой Иордании, поэтому ему остается в основном формулировать мотивы и взгляды короля на основе британских и американских источников. Конечно, некоторые официальные лица, особенно британский посол Чарльз Джонстон, сблизилась с Хусейном и прислали ему разъясняющие отчеты о его мыслях. Но было бы полезно, если бы Блэквелл лучше передал королю личное влияние революции в Ираке и особенно убийства двоюродного брата Хусейна Фейсала.

В целом, «Британское военное вмешательство и борьба за Иорданию» представляет собой разумное, хорошо написанное и тщательно проработанное исследование. Книга Блэквелла проливает ценный свет на динамику британской политики на Ближнем Востоке после Суэца.

Джон Родден, редактор, «Кембриджский компаньон Джорджа Оруэлла». Нью-Йорк: Издательство Кембриджского университета, 2007. xvi 2 218 стр.

Отзыв Пола Холландера, Массачусетский университет в Амхерсте и Гарвардский университет

Если когда-либо и существовал настоящий «публичный интеллигент», то это был Джордж Оруэлл. Ему, несомненно, не хотелось бы, чтобы его называли таковым, поскольку «публичные интеллигенты», как правило, являются несколько напыщенными и самодовольными атрибутами, которые он ненавидел. Оруэллу удалось страстно заниматься общественными делами, не разглагольствуя. Он избегал претенциозности и самомнения, которые стали отличительной чертой многих западных интеллигентов, особенно тех, кто считал себя социальными критиками и членами морализирующей элиты.

Оруэлл занимал позицию по широкому кругу вопросов и отличался самоочевидной достоверностью. В отличие от других социально сознательных интеллигентов, его подлинность была частью его характера. Ему не нужно было сознательно культивировать это. Ему также удалось объединить личную и политическую сферы, не подчиняя первую второй. Его вступление в ряды бездомных и чернорабочих (описанное в «Вниз и в Париже и Лондоне») и участие в гражданской войне в Испании (описанной в «Посвящении Каталонии») не кажется читателю позерством. Он просто и естественно действовал так, как того требовали его ценности. Он был социалистом и критиком капитализма, но не поддавался искушению идеализировать и неверно истолковать природу политических систем, претендовавших на социалистические взгляды: в его время существовала только одна — Советский Союз.

Литература об Оруэлле огромна, и читатели могут задаться вопросом, нужен ли еще один том. Редактор этой книги оправдывает свое намерение тем, что критическая литература об Оруэлле стала узкоспециализированной и «несколько недоступной для неученых» и что многочисленные заблуждения об Оруэлле еще предстоит развеять. Из шестнадцати британских и американских авторов этого тома наиболее известными являются Бернард Крик, Роберт Конквест, Моррис Дикштейн и Кристофер Хитченс. Это информативный том, знакомящий читателя с разнообразным вкладом Оруэлла и различными оценками его творчества. Наиболее важные споры были политическими. Означало ли его решительное неприятие советского тоталитаризма, что он отказался от всех разновидностей социализма? Был ли он прав, проводя моральное уравнение между нацизмом и советским коммунизмом, уравнение, которое особенно беспокоило левых? Рэймонд Уильямс, среди прочих, развернул свою «политическую атаку, замаскированную под эстетическую критику», как отмечает Эрика Готлиб.

Хотя отказ Оруэлла от советского коммунизма не повлек за собой отказ от

демократического социализма, он, вероятно, отверг бы коммунистические системы третьего мира, возникшие после его смерти. Если бы это было так, он мог бы начать задаваться вопросом о теории и связанных с ней идеалах, которые сопротивлялись всем попыткам реализоваться.

Существует мало разногласий по поводу сохраняющейся актуальности центральных идей Оруэлла, включая его стойкое неприятие морального релятивизма. Современным постмодернистам было бы полезно вспомнить критику Оруэлла в адрес тех, кто утверждает, что «поскольку абсолютная истина недостижима, большая ложь не хуже маленькой лжи. Нам указывают на то, что все исторические записи предвзяты и неточны, или с другой стороны, что современная физика доказала, что то, что нам кажется реальным миром, есть иллюзия, так что верить в свидетельства своих чувств есть просто вульгарное мещанство». Как выразился Моррис Дикштейн, «Оруэлл рассматривает тоталитаризм как предшественника того, что мы сегодня называем постмодернистским релятивизмом». Исторически известно, что тоталитарные системы двадцатого века совершали самые решительные атаки на понятие объективной истины, что способствовало дегуманизации и плохому обращению с огромным количеством людей. Но можно также утверждать, что тоталитарные системы (как и интеллектуалы-постмодернисты) целесообразно чередовали релятивизм и абсолютизм в зависимости от обстоятельств.

Оруэлл был упрямым критиком того идеализма, который воплощал благие намерения, не особо заботясь о том, к чему они ведут, как это было в 1960-е годы и после них. Оруэлл писал: «Было бы ошибкой считать социалиста, получившего книжное образование, бескровным существом, совершенно неспособным к эмоциям. Хотя он редко проявляет явную привязанность к эксплуатируемым, он вполне способен проявлять ненависть... против эксплуататоров. Отсюда и великий старый социалистический спорт, заключающийся в разоблачении буржуазии. Странно, как легко почти любой писатель-социалист может довести себя до безумия ярости против класса, к которому он сам неизменно принадлежит по рождению или усыновлению».

Особенно актуальной и устойчивой была озабоченность Оруэлла доверчивостью интеллектуалов: Конквест спрашивает: «Как могло так много образованных умов поверить во все эти фантазии и фальсификации?» Столь же устойчивой и поучительной была озабоченность Оруэлла злоупотреблением языком – энергичный, продолжающийся процесс и в наше время, совершаемый политическими пропагандистами, рекламными копирайтерами и академическими интеллектуалами, которые с радостью поддерживают ограничения свободы слова, когда их называют «тренировкой чувствительности» или упрощение учебной программы, когда такие усилия называются «мультикультурализмом» или «инклюзивностью».

В свете этих взглядов и склонностей неудивительно, что Оруэлл оказался «маргинализированным в наших университетах», как отмечает Нил Маклафлин. Эдвард Саид и Исаак Дойчер, среди прочих, не заботились о нем. В слишком правдоподобной сцене, блестяще придуманной Солом Беллоу в его «Планете мистера Сэмлера», одноименный герой подвергается порицанию и высмеиванию со стороны враждебно настроенной толпы студентов Колумбийского университета 1960-х годов за то, что в своем выступлении он благосклонно отозвался об Оруэлле. Они считали Оруэлла «немцем... больным контрреволюционером». И последнее, но не менее важное: несмотря на глубокое осознание Оруэллом широкого спектра отвратительных человеческих отношений и поведения, которые часто находят выражение в политической деятельности, ему удалось сохранить твердую веру в аполитичную человеческую порядочность. Эту порядочность он был более склонен обнаруживать в простых людях, чем в интеллигенции. Его острое осознание шаткого сосуществования добра и зла ставит его в ряд величайших писателей всех времен.

Гэри Бэйнс и Питер Вейл, ред., «За пределами пограничной войны: новые перспективы конфликтов в Южной Африке в конце холодной войны». Претория: Unisa Press, 2008. 342 стр.

Рецензия Клауса Кьерсгаарда Нильсена, Орхусский университет (Дания)

В книге «Война за пределами границ» рассказывается о вооруженных конфликтах на юге Африки в 1970-х и 1980-х годах, в которых Южная Африка столкнулась с соседними странами. Правительство Южной Африки намеревалось сохранить апартеид внутри страны и власть белых над современной Намибией. Советский Союз оказал Анголе широкомасштабную поддержку, а кубинские войска вмешались непосредственно от имени ангольского правительства. Соединенные Штаты, со своей стороны, поддержали повстанцев в Национальном союзе за полную независимость Анголы (УНИТА), возглавляемом Жонасом Савимби и в союзе с Южной Африкой. Для Южной Африки интервенция в Анголе и оккупация Намибии представляли собой оборонительную позицию против волны деколонизации после распада Португальской колониальной империи в начале 1970-х годов.

В этой антологии семнадцать ученых, представляющих самые разные дисциплины, от истории до антропологии и литературного анализа, представляют новые и в некоторой степени ревизионистские взгляды на Пограничную войну. Большинство работ относятся к категории истории культуры и касаются дискурса,

социального конструирования идентичности, гендера, памяти, примирения, идеологических манипуляций и так далее.

Как отметил редактор Гэри Бэйнс, термин «Пограничная война» является одновременно двусмысленным и проблематичным, поскольку подразумевает, что война велась оборонительно, чтобы защитить международные границы Южной Африки. На самом деле бои происходили далеко на территории Анголы. Однако этот термин имеет смысл, учитывая особое внимание в книге к восприятию себя белыми южноафриканцами как «ведущих оборонительную войну за выживание режима против угрозы коммунизма и черного варварства». Этот термин также частично объясняет, почему в книге не обсуждаются усилия Южной Африки по дестабилизации в прифронтовых государствах, кроме Анголы и Намибии. Регулярные силы обороны ЮАР не участвовали в крупных военных кампаниях за пределами Анголы и не оккупировали иностранные территории, за исключением Намибии.

Холодная война сыграла большую роль в этой пограничной войне, предоставив условия для геополитического выравнивания по линиям холодной войны. Соредактор Питер Вейл в своей, несколько плохо отредактированной статье, показывает, что интервенция Южной Африки в Анголу хорошо вписалась в дискурс холодной войны и стратегическую доктрину США. Хотя Южная Африка и была несколько неудобным союзником Соединенных Штатов, она идеально подходила для доктрины Генри Киссинджера о политическом субподряде по сдерживанию коммунизма, а также для политики администрации Рейгана по поддержке антикоммунистических сил в странах третьего мира. Как показывает Элейн Виндрич, пропаганда со стороны как Соединенных Штатов, так и Южной Африки была необходима, чтобы представить УНИТА как национально-освободительное движение с законными претензиями представлять народ Анголы.

Эдгар Досман обращается к кубинской интервенции в эссе о защите Куито-Куанавале весной 1988 года, которая переломила ход войны против Южной Африки и проложила путь к выводу южноафриканских войск из Анголы и Намибии и независимости последней в 1990 году. эффективно вмешавшись, Кубе удалось выйти из гражданской войны с гораздо большей честью, чем это удалось Соединенным Штатам во Вьетнаме или чем Советский Союз позже сделал в Афганистане. Вмешательство Кубы стало наиболее важным фактором, способствовавшим разрешению конфликта, хотя с тех пор заслуга мирного урегулирования принадлежит Организации Объединенных Наций (ООН). Роберт Гордон демонстрирует, что миротворческие усилия ООН в Намибии были далеко не такими успешными, как позже утверждала ООН, и что успешный исход переходного периода следует объяснить другими факторами.

Дэниел Конвей и Майкл Дрюетт рассматривают проблему призыва на военную службу для всех белых южноафриканских мужчин, введенного в Южной Африке в 1970-х годах. Конвей анализирует растущее сопротивление призыву на военную службу в 1980-е годы, что отражено в кампании по прекращению призыва на военную службу. Дрюетт демонстрирует, как пропаганда и популярная культура способствовали призыву на военную службу, используя традиционные гендерные стереотипы для оформления Пограничной войны и ее поддержки. Национальная военная служба была построена в массовой культуре как способ защиты семьи, особенно матерей и сестер, и стала восприниматься как обряд посвящения для молодых людей.

Другие авторы анализируют литературу и популярные представления о войне. Оценивая африкаанерский роман Марка Бера «Запах яблок», Моника Попеску раскрывает парадокс африкаанерского национализма, который в равной степени боялся коммунистического атеизма и капиталистического разврата. Обсуждая литературу о пограничной войне, так называемую Grensliteratur, Матильда Роже исследует четыре романа, а Генриетта Роос рассматривает весь жанр, показывая, что он является частью более широкого жанра современной военной литературы и как он особенно перекликается с американской литературой. о войне во Вьетнаме.

Хайке Беккер рассматривает три произведения намибийской женской литературы о роли народа овампо, бросая вызов официальной Народной организации Юго-Западной Африки (СВАПО). изображение их роли как чистых жертв освободительной войны. На самом деле некоторые овампо принимали участие в военных преступлениях или встали на сторону Сил обороны ЮАР. Эту точку зрения подтверждает Жюстин Хантер, которая исследует политику памяти в постколониальной Намибии. Она показывает, как лидеры СВАПО выбрали стратегию молчания и забвения о собственных военных преступлениях партизан и сделали упор на государственное строительство в ущерб поиску истины.

Книга «За пределами пограничной войны» дополняет существующие работы об этом периоде истории Южной Африки, освещая культурные аспекты войны. Вместо того, чтобы анализировать реальные боевые действия или принятие политических решений, за исключением одной статьи, в этом томе показано, как велась пограничная война в тылу Южной Африки в 1980-х годах, а также как современные, в основном белые, южноафриканцы и простые намибийцы справляются со своим жестоким прошлым.

Отзыв Гюнтера Бишофа, CentreAustria, Университет Нового Орлеана

Когда холодная война закончилась, немецкие ученые быстро обратились к многочисленным восточногерманским и советским записям, чтобы написать историю советской оккупационной зоны в послевоенной Германии. Австрийские ученые поначалу были более вялыми в написании истории советской оккупационной зоны в послевоенной Австрии, но к 2005 году они догнали их. В тот «год памяти» — 60 лет после окончания Второй мировой войны и освобождения Австрии и 50 лет после подписания Австрийского государственного договора — появился ряд замечательных исследований, которые «наконец-то пролили свет на советскую оккупационную политику в Австрии».

В московских архивах работали две основные исследовательские группы. Команда Стефана Карнера и Барбары Стельцль-Маркс из Института Людвиг Больцмана по изучению последствий войны со штаб-квартирой в Граце опубликовала масштабное двухтомное исследование (том ключевых документов, перепечатанных на русском языке и переведенных на немецкий язык, а также том эссе).) весной 2005 г. о Красной Армии в Австрии, *Die Rote Armee in Österreich: Sowjetische Besatzung 1945-1955* Осенью 2005 г. коллектив, организованный Австрийской академией наук, опубликовал русско-немецкий том документов (Вольфганг Мюллер, Арнольд Суппан, Норман М. Нэйрмарк и Геннадий Бордюгов, ред., *Sowjetische Politik in Österreich: Dokumente aus russischen Archiven*). Эти две группы, очевидно, не координировали свои действия друг с другом, и *Sowjetische Politik* в Австрии перепечатала и перевела ключевые документы, которые уже появились в *Die Rote Armee* в Австрии. Австрийская академия также организовала огромную конференцию по случаю годовщины государственного договора и представила общественности документы в великолепном научном сборнике (Арнольд Суппан, Джеральд Стурж и Вольфганг Мюллер, ред., *Австрийский государственный договор: международная стратегия, юридическая значимость, национальная идентичность*).). Вольфганг Мюллер, молодой советский специалист из Вены, который был рабочей лошадкой в проекте Академии, также опубликовал в то время свою диссертацию «*Die sowjetische Besatzung in Österreich 1945-1955 und ihre politische Mission*» (Вена: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2005).). В совокупности эти увесистые тома представляют гораздо более ясную картину советской политической политики во время австрийской оккупации. Они демонстрируют, что Москва никогда не планировала захват Австрии. Фактически, в конце 1940-х годов Советскому Союзу пришлось сдерживать агрессивную Австрийскую коммунистическую партию, которая не хотела ничего лучше, чем раздел Австрии и коммунистический контроль над советской оккупационной зоной в восточной Австрии. Картина советской экономической политики в эксплуатации этой зоны менее ясна и требует дальнейшего изучения.

Рассматриваемый здесь том содержит 129 переведенных документов, в

основном из бывших советских архивов и несколько из болгарских хранилищ, и создан исследовательской группой в Граце. Книга посвящена кратковременной оккупации Восточной Штирии Советской Армией, дополненной болгарскими вспомогательными силами. Красная Армия вытеснила немцев из этого района в апреле 1945 года после освобождения Венгрии и прилегающей восточной Австрии, неумолимо катясь на запад и юго-запад в прилегающие районы, пока война не закончилась в начале мая. В конце войны советская оккупация Восточной Штирии не была запланирована, но развернулась, когда армии заполнили вакуум власти, образовавшийся после распада Третьего рейха Адольфа Гитлера. Как только Красная Армия была на месте, Сталин использовал ее как разменную монету. Угроза югославского лидера Иосипа Броз Тито захватить территории в южной Штирии и Каринтии также нависла над политикой великих держав в этом регионе. К весне 1945 года великие державы договорились, что Штирия станет частью британской зоны оккупации, и в конце июля 1945 года силы Красной Армии покинули Восточную Штирию (включая столицу Грац), а британские войска двинулись на территорию Их назначила Европейская консультативная комиссия (Штирия и Каринтия). Окончательное соглашение об этой зональной перегруппировке было достигнуто на Потсдамской конференции в конце июля, после протеста Уинстона Черчилля и проволок Иосифа Сталина (с. 391).

Основная часть документов этого тома посвящена вопросам оперативной деятельности полудюжины «пограничных полков» НКВД СССР, действовавших в тылу 3-й Украинской армии при освобождении этого региона. Большинство этих отчетов представляют собой сводки контрразведывательной деятельности НКВД в Штирии с апреля по июль 1945 года и отражают глубокую советскую паранойю по поводу повторяющейся нацистской угрозы после окончания войны. Главной заботой НКВД были секретные нацистские террористы («Фольксштурм», «Вервольф» и «агенты гестапо»), обученные в Венгрии и восточной Австрии для террора Красной Армии («*Terroristen und Diversanten*») – типичное описание таких «немецких шпионов». появляется на стр. 374-377. Более того, оккупационные власти задержали тысячи немецких и австрийских офицеров и солдат, перешедших из формы в гражданскую одежду, чтобы добраться до западных оккупационных зон раньше Красной Армии. Войска НКВД также разыскивали «советских граждан», в том числе десятки тысяч русских и украинских гражданских рабочих, которые были похищены и вынуждены работать на нацистских военных предприятиях (Грац и Восточная Штирия высокоиндустриальны), а также как десятки тысяч советских военнопленных (военнопленных), которых привезли на Штирийские металлургические заводы для работы в качестве рабов, так и отставшие от Красной Армии и дезертиры.

НКВД пересчитал каждый нос: военнослужащих Красной Армии, среди них 11 650 военнопленных в немецких руках; Солдаты союзников в руках немцев (среди них 3002

военнопленных); в этом районе задержаны гражданские рабы (72 469 советских граждан и 24 002 гражданина других стран); и около 13 000 немецких офицеров и солдат (стр. 311f). Кроме того, упоминаются «десятки тысяч» немецких поселенцев, изгнанных из района Готше в Словении (с. 357) и 300 тысяч немцев и австрийцев, изгнанных из Чехословакии и Югославии (с. 390). В самые хаотичные недели после краха Третьего рейха статистики НКВД собирали и педантично фиксировали эту печальную массу обездоленного человечества, но не проявляли никакого сочувствия к бесчисленным отдельным трагедиям.

НКВД также тщательно задокументировало трагическую историю передачи «власовцев» британцами советским войскам в Юденбурге. В эту специальную группу, «предавшую свое отечество», вошли 42 258 военнослужащих и членов семей (2 972 женщины и 1 445 детей) армии генерала Андрея Власова, воевавших против советских войск и оказавшихся в британской зоне Австрии. Англичане передали их всех Красной Армии (с. 359-361). Многие впоследствии погибли в сибирском ГУЛАГе. Подробный, прозаичный отчет о хладнокровной передаче, заключении в лагерях в Штирии и возможной транспортировке в Румынию поражает и включает упоминания о самоубийствах и периодических попытках побега.

НКВД также зафиксировало многочисленные случаи изнасилований и грабежей со стороны красноармейцев в Штирии, но часто подразумевало, что вина лежит на немецких солдатах в форме Красной Армии. НКВД явно преуменьшал случаи изнасилований и «аморального поведения» (эвфемизм «аморалише Entgleisungen», стр. 315) и меньше беспокоился о таком ужасном поведении, чем о сотнях случаев отравления красноармейцев трофейной выпивкой. 12 мая от отравления алкоголем умерло 75 солдат, еще 251 человек был пьян (с. 222). Во введении отмечается, что в Восточной Штирии полицейскими участками было зарегистрировано 9 463 изнасилования, но цифры, несомненно, были намного выше (стр. 26). В дюжине документов в конце тома зафиксировано массовое перемещение советской промышленности из Штирии с мая по июль 1945 года, всем из которых позже была присвоена дата 28 июля (стр. 392-411). Сталин не спешил уходить из Штирии, лишь бы добыча была хорошей. НКВД также внимательно следил за восстановлением правительств Граца и Штирии и региональной администрации, а также за отсутствием коммунистического присутствия. Никакая история советских изнасилований и грабежей, а также организованного государством промышленного переселения из Центральной Европы не будет полной без этих ценных документов. Это тщательно отредактированный том с прекрасным научным введением, который значительно расширяет наши знания об операциях Красной Армии в конце Второй мировой войны в Центральной Европе. Книга заполняет важный пробел в составлении картины ранней оккупации Австрии. Единственным недостатком является то, что документы повторяются: ежедневные, еженедельные и ежемесячные отчеты о полковой

ситуации до тошноты охватывают один и тот же материал. Некоторые документы содержат десятки сносков о топонимах и научной литературе региона, что чрезмерно повторяется в примечаниях к каждому документу. Чего не хватает, так это хороших карт местности, дающих читателю четкое представление о продвижении Красной Армии в Центральную Европу. Тем не менее, это документальный том, который каждая уважаемая научная библиотека должна будет включить в свой фонд. Редакцию следует похвалить за то, что она дополнила картину операций Красной Армии в Австрии и сделала эти документы, многие из которых малопонятными, столь доступными для ученых, не читающих по-русски.

Рецензия А. Дж. Ланггута, Университет Южной Калифорнии.

Сейчас, когда ученые, слишком молодые, чтобы помнить войну во Вьетнаме, пишут ревизионистские трактаты по этому конфликту, вдумчивый вклад Кэтрин Статлер в дискуссию особенно приветствуется. В качестве темы она взяла недостаточно изученный переход от усилий Франции по восстановлению своей колонии во Вьетнаме к тому времени, когда Соединенные Штаты взяли на себя бремя сохранения Южного Вьетнама свободным от коммунизма. Ее исследование сосредоточено на трех крупных событиях: (1) Женевской конференции 1954 года, которая разделила Вьетнам на Север и Юг, с обещанием выборов объединить страну два года спустя; (2) назначение Нго Динь Зьема руководителем Южного Вьетнама; и (3) решение 1956 года отказаться от обещанных выборов и вместо этого начать кампанию по предотвращению присоединения Южного Вьетнама Дьема к режиму Хо Ши Мина на Севере.

К каждой из этих тем Статлер привносит впечатляющее владение документацией и явное желание быть справедливым по отношению к историческим данным. При этом она демонстрирует, как администрация Эйзенхауэра вынудила французов отказаться от любого сохранившегося влияния на Севере и вместо этого присоединиться к крестовому походу Вашингтона от имени Дьема. Можно согласиться, что это была ранняя упущенная возможность во Вьетнаме, даже не принимая полностью вывод Статлера о том, что французское присутствие на Севере могло «помочь создать условия для гораздо более раннего воссоединения» (стр. 236), чем то, которое «в конечном итоге было навязано Вьетнамом». Крах южновьетнамской армии в 1975 году.

Поскольку это дипломатическая, а не военная история, такой важный поворотный момент, как битва при Дьенбьенфу в 1954 году, можно считать лишь своим влиянием на политические маневры в Вашингтоне. Госсекретарь Эйзенхауэра Джон Фостер Даллес был обеспокоен тем, что поражение Франции оставит в Азии вакуум, который заполнит Советский Союз. Изложение Статлером дебатов о том, что Америке следует

сделать, чтобы освободить французских солдат, находящихся в осаде на их аванпосте к западу от Ханоя, захватывает даже сейчас.

Читатель может быть удивлен, узнав, что именно сенатор Уильям Ноулэнд от Калифорнии, видный член китайского лобби, посоветовал Даллесу, что Сенат США не санкционирует вмешательство, если французы не гарантируют немедленную независимость Индокитая (стр. 92). Поскольку это свело бы на нет все девятилетние усилия Франции в регионе, французы отказались.

Одним из наиболее ценных вкладов книги является кропотливый анализ провала в 1956 году проведения обещанных выборов, призванных объединить страну. Согласно общепринятому мнению, Соединенные Штаты оказывали давление на послушного Дьема, чтобы избежать голосования, потому что Хо Ши Мин был бы уверенным победителем. Некоторые полагают, что Северный Вьетнам был менее возмущен, чем могла бы показать его пропаганда, потому что, поскольку северные фермеры протестовали против неудачной аграрной реформы, Политбюро Северного Вьетнама в тот момент не стремилось поглотить капризный Юг.

В отдельных разделах, посвященных каждой мировой столице, Статлер указывает, что Вашингтон разрывался между подтверждением традиционной американской поддержки свободных выборов и страхом перед их исходом. Даллес использовал пример Восточной и Западной Германии, где выборы обсуждались безрезультатно в течение десяти лет, чтобы убедить Дьема просто согласиться на выборы в принципе. Тем временем французы настаивали на голосовании, опасаясь, что, если оно не будет проведено, силы Хо могут возобновить боевые действия и заманить в ловушку значительное количество французских войск, все еще находящихся во Вьетнаме. Но, как к своему ужасу обнаружил Хо, ни Москва, ни Пекин не хотели рисковать конфронтацией с Соединенными Штатами по сравнительно незначительному вопросу (стр. 170).

В конце концов, Вашингтон узнал, и не в последний раз, что у его помазанных лидеров на Юге были свои собственные планы. Несмотря на давление США, Дьем проигнорировал установленный в июле 1955 года крайний срок для консультаций с Севером по процедурам выборов. Статлер пишет: «Администрация Эйзенхауэра рассматривала возможность использования угрозы сокращения американской помощи, чтобы заставить Дьема рассмотреть вопрос о консультациях, но в конце концов предпочла не делать этого» (стр. 161).

Особенно поучительным является исследование Статлером этого вопроса с точки зрения Ханоя. Лишенный решительной поддержки со стороны союзников-коммунистов, Север считал, что другие стороны, подписавшие соглашение в Женеве,

заставят Дьема провести выборы. Но Политбюро Ханоя, как и Запад, недооценило решимость Дьема и его способность держаться. Члены Политбюро считали, что режим Дьема «упадет, как спелый плод» — если не во время всеобщих выборов, то в результате внутренней подрывной деятельности (с. 175).

Как мы знаем, маневры Дьема принесли ему еще семь лет власти в Южном Вьетнаме, прежде чем он и его брат заплатились за эти годы своей жизнью. Статлер убедительно показывает, как Соединенные Штаты, заменив Францию во Вьетнаме в течение десятилетия с 1950 по 1960 год, сделали неизбежной катастрофу, которая должна была произойти. В своем заключении Статлер разъясняет лидерам современного Вашингтона опасность оттеснения союзников Америки в пользу действий в одиночку.

Дуччо Басоси, Правительство доллара: Экономическое взаимодействие и негосударственная стабильность в годы Ричарда Никсона (1969) (1970) (1971) (1972) (1973). Флоренция, Италия: Edizioni Polistampa, 2006. 250 стр. 16 фунтов стерлингов.

Рецензия Леопольдо Нути, Università Roma Tre (Италия)

Последние годы принесли возрождение научного интереса к внешней политике Ричарда Никсона и Генри Киссинджера. Возобновление интереса было стимулировано открытием ряда соответствующих источников, позволяющих историкам исследовать старые тезисы и выдвигать новые интерпретации. Поскольку внешнеполитические решения США в начале 1970-х годов потрясли всю международную систему, тщательное понимание этих решений проливает свет на более широкую историю Холодной войны.

«Государство доллара» Дуччио Басоси является весьма желанным дополнением к этому богатству новых работ. Недавний доктор философии. Ученый из Флорентийского университета, Басоси легко движется в относительно неисследованной области истории международной денежно-кредитной политики и международной экономики, развивая в годы правления Никсона тот подход, который был принят такими учеными, как Фрэнсис Гэвин и Хьюберт Циммерманн. для исследования 1960-х годов. Замечательный характер этой книги был признан в 2007 году, когда Базози был удостоен премии Итальянского общества современной истории за лучшую первую книгу молодого автора.

Цель Базози проста; а именно, проанализировать важнейшие решения

экономической политики, принятые администрацией Никсона в августе 1971 года, и поместить их в надлежащий исторический контекст. Администрация Никсона не только положила конец конвертируемости доллара в золото, но и предприняла ряд других шагов, которые навсегда подорвали международную валютную систему Бреттон-Вудса.

Отказ от Бреттон-Вудса, отмечает Басоси, часто рассматривается как поворотный момент в эволюции международной системы, но он считает, что объяснения этого решения были противоречивыми и теоретически недостаточными. Если Никсона заставили действовать таким образом, как он может нести ответственность за такой выбор? Если его решения были симптомом неизбежного упадка США в мировой экономике, то как можно объяснить, что Соединенные Штаты вышли из кризиса сильнее, чем раньше, и заняли лидирующую позицию, которая становилась все более неприступной?

Басоси тщательно проанализировал большое количество источников в Национальном архиве США, Федеральных центрах документации и Президентской библиотеке Джеральда Р. Форда, где он часто был первым, кто исследовал документы таких важных фигур для экономической политики Никсона, как Дэвид Кеннеди, Джон Конналли, Джордж Шульц, Пол Волкер и Артур Бернс. Это исследование позволило ему разработать последовательную интерпретацию, которая демонстрирует, что решения 1971 года стали результатом длительного, сложного и тщательного внешнеполитического анализа, который необходимо оценивать вместе с другими важными решениями администрации Никсона.

Столкнувшись с ухудшением экономической ситуации, которая серьезно препятствовала гибкости внешней политики США, Никсон с первых дней своего правления осознавал необходимость пересмотра Бреттон-Вудской системы. Но, по мнению Басоси, это стремление сочеталось с другим давлением со стороны экономического истеблишмента США, который надеялся ввести новую дозу либерализма в капиталистическую систему, которая пользовалась «последними выгодами от длительного цикла кейнсианской экспансии, начатой в начале послевоенного периода». годы. Хотя Никсон был склонен обратить внимание на призывы к новой волне безудержного капиталистического роста, он также осознавал необходимость согласовать эти стремления с экономическими и политическими потребностями западноевропейцев. Эти все более напряженные отношения с европейскими союзниками привели непосредственно к решениям, принятым в августе 1971 года. Если с европейскими союзниками не удастся достичь многостороннего соглашения о реформе Бреттон-Вудской системы, то Соединенные Штаты будут действовать не только в одностороннем порядке, но и в путь, наиболее эффективный для восстановления экономического превосходства США. Басоси

следит за развитием этих дебатов в различных правительственных каналах США и демонстрирует их тесную связь с параллельными усилиями западноевропейских стран по улучшению своего экономического положения по отношению к Соединенным Штатам. В конце концов, растущее осознание того, что никаких согласованных усилий США и Европы по реформированию Бреттон-Вудса не предвидится, дало больше рычагов влияния тем внутри администрации, которые предупреждали президента, что он должен радикально изменить правила игры в международной экономике. способ, который окажется наиболее выгодным для Соединённых Штатов.

В заключительной главе Басози задается вопросом, следует ли считать решения Никсона основополагающим моментом недавней волны экономической глобализации, основанной на дерегулированном капитализме. Басози благоразумно воздерживается от подтверждения такого важного вывода, но он, кажется, находит, по крайней мере, определенную причинную связь между решениями августа 1971 года и подъемом глобализации. Однако, помимо этих весьма умозрительных выводов, что примечательно в этой ясной, краткой, хорошо аргументированной и хорошо написанной книге, так это уверенность, с которой Басози справляется со столь сложной аргументацией и демонстрирует свой тезис, перемещаясь по удивительной паутине. экономических и денежных деталей, не упуская из виду его более широкую интерпретационную структуру. Экономические решения 1971 года выступают из этого повествования как еще один центральный шаг в реформировании американской внешней политики, осуществленном администрацией Никсона. По мнению Басози, их следует причислить к другим важнейшим решениям Никсона, таким как открытие Китая, как одной из основ нового цикла международных отношений США.

Майкл Бернхард, Институты и судьба демократии. Питтсбург: University of Pittsburgh Press, 2005. 310 стр.

Отзыв Анны Гржимала-Буссе, Мичиганский университет

Книга Майкла Бернхарда призвана ответить на два важнейших вопроса: почему новые демократии выбирают определенные институты? И как институциональный выбор влияет на выживание демократии?

Бернхард утверждает, что предпочтения лиц, принимающих решения, по отношению к институтам определяются множеством интересов: заботой о своих политических партиях, демократии и собственной власти. Эта коалиция, создающая

институты (группа лидеров, отвечающих за выбор первоначальной институциональной структуры), должна быть широкой, чтобы создаваемые ею институты могли оказаться долговечными. Его члены взаимодействуют несколькими способами, которые представляют собой институциональный выбор: консенсус, навязывание или компромисс (разделение разногласий и торговая поддержка по различным вопросам). Демократии затем выживут или потерпят неудачу в зависимости от того, как возникший в результате институциональный выбор взаимодействует с более широкой экономической и социальной средой. Когда основатели выбирают институты, которые плохо подходят для этого контекста, получается неправильный институциональный выбор, как в Веймарской Германии. Когда ни один демократический набор институтов не может обеспечить удовлетворительное решение конфликтов в обществе, демократизация обречена. Бернхард утверждает, что плохая эффективность демократических институтов является результатом конфликта между логикой институционального выбора, которая сосредоточена на удовлетворении предпочтений основателей, и логикой демократического функционирования, которая сосредоточена на предотвращении автоматического получения верхушки какой-либо группы акторов. Таким образом, эффективные демократические институты создают «компромиссы между политическими силами, которые поддерживают широкую политическую поддержку системы» (стр. 19).

Этот аргумент подтверждается доказательствами из четырех случаев: Веймарской Германии и Германии после 1945 года, а также межвоенной и посткоммунистической Польши. В каждом тематическом исследовании рассматриваются исполнительные, законодательные и избирательные институты, а также «другие институциональные особенности, которые сыграли важную роль в общем процессе выбора» (стр. 22). Бернхард также тщательно документирует сложности социального, политического и экономического контекста, в котором лица, принимающие решения, выбирали и создавали эти институты. Он подчеркивает важность контекстуальных переменных, включая социальные расколы, этническую фрагментацию, экономическую уязвимость, наследие авторитарного прошлого, харизматических лидеров, распределение политических идеологий, представленных партиями, а также уровни экономического развития и современности. Эти контекстуальные факторы означали, что «окажется ли набор институтов эффективным в сдерживании конфликта в данном обществе, определяется тем, как эти институты взаимодействуют с более широким набором внутренних и международных экономических, социальных и политических условий, существующих после демократического перехода» (стр. 263). Таким образом, основное утверждение заключается в том, что процесс институционального выбора взаимодействует с множеством зависящих от контекста социальных, экономических и политических переменных, влияющих на функционирование демократических институтов.

Результатом является богатое и детальное исследование процессов институционального выбора в четырех различных условиях. В книге рассматриваются не только решающие действующие лица и их стратегии, но и динамика процессов создания институтов. Бернхард избегает поверхностных обобщений и универсальных утверждений и предлагает несколько более широких идей.

Во-первых, ученые пришли к единому мнению, что успешный институциональный дизайн основан на институтах, которые создают свои собственные коалиции и расширяют свою поддержку. Вклад Бернхарда в эту литературу представляет собой более сложное утверждение о первоначальной необходимости стабильной коалиции для обеспечения долгосрочной институционализации. Быстрое появление исключенных представителей общества и лидеров может сыграть свою роль. Например, в неудавшемся (и недолговечном) случае польской демократии в межвоенный период первоначальный набор представительных институтов не смог принять участие недавно увеличившегося польского электората. С предоставлением избирательных прав меньшинствам, 20 процентов мест в Сейме теперь принадлежали меньшинствам, по сравнению с 3-4 процентами, которые они имели в Учредительном Сейме. Результатом стал раздробленный парламент, неспособный создать стабильное и эффективное правительство, и не было создано новых коалиций вокруг демократических институтов. Другими словами, временность имеет значение: успешные демократические институты нуждаются в широкой поддерживающей коалиции с самого начала, а не в попытках расширить такие коалиции впоследствии.

Во-вторых, хотя Бернхард утверждает, что на успех построения демократических институтов повлияло множество контекстуальных переменных, наиболее явное различие между неудавшимися демократиями в межвоенный период и успехами послевоенной Германии и посткоммунистической Польши, по-видимому, заключается в изменившемся международном контексте. По словам Бернхарда, союзники контролировали (хотя и очень разными способами) сложное создание послевоенных немецких федеральных и избирательных структур. Точно так же группа международных советников, финансовые институты и Европейский Союз сыграли свою роль в построении польской демократии после 1989 года. Межвоенный контекст был совсем другим: позиции международных игроков варьировались от безразличия до откровенной враждебности. Подобный акцент на международных стимулах и ограничениях может противоречить тонкости и сложности анализа Бернхарда, но это один из способов противостоять потенциальной критике, что причинная теория переопределена, поскольку успешные демократические случаи пользовались «лучшей» институциональный выбор (который обеспечивает баланс между представительством и стабильностью), а также «лучшую» политическую и экономическую внутреннюю среду и «лучший» международный контекст. Если контекст имеет значение, мы хотим знать, какие контекстуальные переменные имеют

решающее значение, и особенно выделяются международные факторы.

Третьим центральным выводом анализа Бернхарда является множественность механизмов возникновения институтов: компромиссы, навязывания и консенсус. Здесь Бернхард утверждает, что навязывание с наименьшей вероятностью приведет к созданию прочных демократических институтов, и этот провал был очевиден в межвоенной Польше. Тем не менее, неясно, какой компромисс или консенсус (либо по вопросам, либо путем разделения разногласий) приводит к лучшим результатам: например, столь же неудачные строители институтов Веймара пошли на компромисс по вопросам централизации, роли религии, Пруссии и президентской власти, и они согласились по избирательным правилам. (Польские лица, принимающие решения в межвоенный период, пошли на компромисс в отношении избирательной системы и законодательной власти, двух из трех важнейших институциональных областей.) Эти закономерности вызывают вопрос о том, имеют ли эти механизмы значение для долговечности демократии или они просто связывают переменные с результатами без причинно-следственной связи. роль.

«Институты и судьба демократии» поднимает эти вопросы и дает ответы на многие другие. Это убедительный, детальный вклад в изучение демократизации, институционального выбора и долговечности режима.

Герд-Райнер Хорн, Дух 68-го: восстание в Западной Европе и Северной Америке, 1956–1976. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 2007, стр.

Рецензия Готфрида Нидхарта, Университет Мангейма (Германия)

Относительно стабильный мир 1950-х годов с его послевоенным восстановлением и четкой конфронтацией «холодной войны» пережил переходный период в 1960-е годы, когда ожидания «общества изобилия» (Кеннет Гэлбрейт) оказались чрезмерно оптимистичными, когда социальные иерархии, все еще возникшие в довоенном мире, были поставлены под сомнение, и когда опасность тупика холодной войны стала очевидной. Вообще говоря, ответы на эти вызовы принимали одну из двух форм. Предполагалось, что каждый из них приведет к изменениям, хотя и в разной степени. Реформаторы хотели адаптировать существующий порядок к новым обстоятельствам 1960-х годов и цивилизовать конфликт Восток-Запад, проводя политику разрядки. Это не удовлетворило более радикальных протестующих, которые следовали лозунгу: «Беги вперед, товарищ,

старый мир позади тебя». Книга Хорна посвящена последней позиции. Он не стремится только к ее описанию и повествованию «о том, что произошло и как произошло» (с. 231). Его цель также состоит в том, чтобы изобразить более радикальную позицию как многообещающий ответ на «транснациональный момент кризиса и возможностей» (стр. 4), который возник во многих частях мира. Всего «Дух 68-го» затронул 56 стран, в том числе США и Канаду, 14 стран Латинской Америки, 22 страны Европы, 10 стран Азии и 8 стран Африки. Конечно, это рискованно для любого профессионального историка: Хорн отождествляет себя с «68-ми» и хочет «спасти эти эксперименты в области «демократии участия» и соответствующей социальной борьбы от исторических искажений и снисхождения, которые, по-видимому, осуждает большая часть современной историографии». многообещающая эпоха бунта» (стр. 1-2).

Под влиянием этого импульса Хорн написал живое описание того, что он называет «духом 1968 года». Согласно последним исследованиям, 1968 календарный год предстает в широком контексте. Хорн начинается в 1950-х годах, когда неконформисты подготовили почву. Он проводит различие между «интеллектуально активным подготовительным периодом» (с. 229) с 1956 по 1966 год и основным периодом «духа», который длился до 1976 года. Хорн прослеживает «дух» в Северной Америке, Скандинавии, а также в Западном и Средиземноморье. Европе, тем самым рассматривая свою тему в сравнительном и транснациональном подходе. Что делает книгу особенной, так это обширное рассмотрение Хорном рабочих протестов в различных странах, темы, которая обычно отсутствует в литературе 1960-х годов. Хорн хорошо известен как специалист по истории социализма и рабочего класса в Европе, поэтому такой подход не является сюрпризом. Однако я не уверен, что борьба за заработную плату и лучшие условия труда была, за исключением Италии (и там лишь на короткий период), действительно частью «смена социокультурной парадигмы» (с. 231) 1960-х годов. Хорн дает читателю тщательное исследование событий в Соединенных Штатах и уделяет большое внимание Бельгии и Италии и, в меньшей степени, Франции и Пиренейскому полуострову. Он внимательно присматривается к голландским прово, превратившим Амстердам в место паломничества многих американских и европейских повстанцев. Деятельность западногерманских и французских студентов «сознательно не находится в центре внимания» (с. 3). Хорн выбирает «страны, места, движения и культурные тенденции», которые, по его мнению, являются «репрезентативной выборкой» (стр. 3). Но он не может назвать каких-либо критериев своего выбора. Что действительно прискорбно, так это то, что Восточная Европа полностью игнорируется, хотя трещины в советской империи и внутри государств Варшавского договора следует рассматривать как важный элемент «духа», который рассматривается в этой книге.

Хорн оплакивает провал «1968». Но можно утверждать, что в отношении

последствий, например, Пражской весны и, как следствие Хельсинкского Заключительного акта 1975 года, Хартии 77, международный, а также транснациональный «дух» преобразовал Восток. Запад вступил в конфликт и, наконец, сверг автократические режимы в Восточной Европе. С другой стороны, диссиденты на Востоке в основном стремились к либеральной демократии и рыночной экономике, что подвергалось нападкам в западном мире. Другими словами, настроение перемен стремилось к большему, чем позволял Хорн. Помимо повторения тезиса Артура Марвика о том, что 1960-е годы лучше всего понимать как «культурную революцию» (стр. 191–192), Хорн не может определить «дух 1968 года». В частности, он отказывается иметь дело с общественными силами, которые не с революционной, а с реформистской позиции были частью процесса перемен, сформировавшего десятилетие и сумевшего привлечь многих или, возможно, большинство «сторонников системного преобразования радикальных изменений». (с. 234) на путь постепенного реформирования.

Филип Т. Резерфорд, Прелюдия к окончательному решению. Нацистская программа депортации этнических поляков, 1939-1941 гг. Лоуренс, Канзас: Университетское издательство Канзаса, 2007.

Рецензия Энтони Полонски, Университет Брандейса

Национальный конфликт в польско-германском пограничье возник в своей современной форме во время революции 1848 года. Конфликт усилился после объединения Германии, когда сначала при Бисмарке, а затем, в более обострённой форме, при его преемниках после 1890 года, были предприняты попытки предпринять для германизации территорий Речи Посполитой, вошедших в состав Пруссии после разделов. Ostmarkverein (Ассоциация восточных провинций) была создана для покупки (а затем экспроприации) польских земель и заселения их немецкими колонистами. Во время Первой мировой войны, после оккупации большей части российской части Польши, немецкие планировщики даже обсуждали вопрос о создании широкой полосы между территориями, которые они контролировали до начала войны, и небольшим сателлитным Польским королевством, которое они создали в ноябре. 1916 г., из которого будут изгнаны поляки и евреи и который затем будет заселен немецкими колонистами.

Все эти планы были сведены на нет поражением Германии и созданием независимого польского государства, включавшего в себя обширные территории Пруссии, включая порт Данциг. Большое количество этнических немцев не желали

жить под властью Польши и покинули территорию. Урегулирование спорной границы, особенно в Верхней Силезии, сопровождалось созданием немецких и польских военизированных группировок и значительным насилием. Призыв к пересмотру польско-немецкой границы был почти повсеместным среди политиков Веймарской республики, с той лишь разницей, что между такими, как Густав Штрэземан, канцлер с 1925 по 1929 год, который надеялся, что этого можно добиться мирным путем при поддержке западных державы и те, кто считал, что сила необходима.

Адольф Гитлер порвал с антипольскими традициями Веймара. Несмотря на центральное место в его размышлениях и особенно в «Майн кампф» схемах «колонизации» земель на востоке, он видел прагматические преимущества в достижении взаимопонимания с Польшей, заключении 26 соглашения о ненападении с польским правительством. Январь 1934 года. Его цели были чисто тактическими. Таким образом, он смог вбить клин между Францией и ее главным союзником на востоке и без опасности проводить свою политику перевооружения. После смерти харизматичного польского диктатора Юзефа Пилсудского в мае 1935 года польско-немецкие связи стали еще теснее, поскольку министр иностранных дел Польши Юзеф Бек использовал предоставленную ему свободу маневра, чтобы заставить Литву установить дипломатические отношения с Польшей. в марте 1938 г. и приобрести после Мюнхенского соглашения часть бывшей Австрийской Силезии у Чехословакии. Целью Гитлера, вероятно, было завербовать поляков для участия в его планах по завоеванию Советского Союза. Однако, когда после Мюнхена он оказал давление на Польшу, чтобы заставить ее вступить в союз, который сделал бы страну де-факто зависимой от Германии и, таким образом, освободил бы ему возможность двигаться либо на восток, либо на запад, Бек отказался. Поляки добивались от Британии гарантий своей независимости, а Гитлер смог перебить цену Запада и достичь соглашения с Советским Союзом о разделе Восточной Европы. Это привело к разделу Польши между Германией и Советским Союзом и разгрому Польши от рук немцев в сентябре-октябре 1939 года.

К этому моменту поляки стали главным препятствием на пути планов Гитлера по созданию великой Германской империи на востоке, и он был готов использовать самые решительные средства, чтобы сокрушить и уничтожить их. Действительно, он видел свое правление в Польше как прототип «колониального» режима немецких хозяев, правивших славянскими илотами, которые он намеревался установить в областях, которые он надеялся завоевать на востоке. Оккупированная территория была разделена на две части. Одна территория, включавшая бывшую прусскую Польшу, бассейн Домбры и территории вокруг Лодва и Сувалки, была напрямую включена в состав Рейха. Остальная часть Польши, переданная Германии по условиям советско-германского договора о дружбе от сентября 1939 года, сохранялась как отдельное образование, которому было присвоено название

«Генерал-губернаторство», напоминающее о Первой мировой войне. Под давлением Иосифа Сталина Гитлер решил не создавать здесь остатки польского правительства, и этот район подвергся безжалостной экономической эксплуатации и использовался в качестве трудового резерва. Его германизацию планировалось осуществить после окончательной победы Германии.

Территории, открыто аннексированные Рейхом, были сформированы в две новые административные единицы: Рейхсгау Данциг и Рейхсгау Вартеланд, которые состояли из бывшего Великого герцогства Позенского с некоторыми территориями западной части Королевства Польского, включая текстильный городок Польское. Лодзь, ныне переименованный в Лицманштадт в честь генерала Первой мировой войны. Польская Верхняя Силезия была объединена с немецкой провинцией, а территория вокруг Сувалок вошла в состав Восточной Пруссии. Проводимая здесь политика, как и многое из того, что делалось нацистами, была гротескно преувеличенной версией предложений, сделанных до и во время Первой мировой войны по управлению прусской Польшей и по созданию пограничной полосы. Таким образом, аннексированная территория с ее населением в 8,9 миллиона поляков, 603 000 евреев и всего 600 000 немцев была отмечена для политики безжалостной германизации, которую лично курировал глава СС Генрих Гиммлер. Подавляющее большинство поляков рассматривалось как непримиримые враги, судьба которых заключалась либо в изгнании в Генерал-губернаторство, либо в физическом истреблении. Их должны были вытеснить немецкие поселенцы из стран Балтии, Советского Союза и других стран. Таким образом, с сентября 1939 года целью нацистской политики было изгнание всех евреев и большинства поляков из аннексированных Германией земель западной Польши в Генерал-губернаторство, чтобы освободить место для немецких поселенцев из Юго-Восточной и Восточной Европы, в том числе из Прибалтики. состояния.

Характер немецкой администрации в регионе Вартегау в период между поражением Польши и вторжением нацистов в Советский Союз в июне 1941 года является предметом важной монографии Филипа Резерфорда, переработанной версии докторской диссертации, представленной в Университете штата Пенсильвания. Как он показывает, из-за улучшения отношений между Германией и Польшей с 1934 по конец 1938 года перспективное планирование практически не проводилось, и администрации поначалу приходилось импровизировать. Таким образом, изгнание поляков было не только переработкой прежних планов и ответом на зверства поляков против предполагаемых немецких членов «пятой колонны» (которые были в гораздо меньших масштабах, чем зверства Германии, совершенные Вермахтом и СС против поляков), но и ответом. к необходимости предусмотреть разрешение Volksdeutsche покинуть территории, вошедшие в состав Советского Союза в 1939 и 1940 годах (Волынь, Бессарабия и Северная Буковина, Прибалтика).

По словам Резерфорда, «фактическая программа переселения и изгнания была в прямом смысле составлена в последнюю минуту» (стр. 62). Книга представляет собой, прежде всего, институциональную историю, исследующую администрацию фанатичного рейхсгубернатора рейхсгау Вартеланда Артура Грейзера и его подчиненных Вильгельма Коппе, Höhere SS und Polizeiführer (высшего руководителя СС и полиции) в Вартеланде, и Альберта Раппа, который организовал исключение назначил Грейзер. Рапп создал «Штаб по эвакуации» (Evakuierungsstab), набранный из рядов полиции безопасности, реорганизованной в Познани (Познань) в апреле 1940 года в Umwandererzentralstelle (UWZ; Центральное управление по делам мигрантов) под контролем Sicherheitspolizei и Рейнхарда Гейдриха. Рейхскомиссариат Генриха Гиммлера по фестивалю немецких народных масс. Это были лица и учреждения, ответственные за организацию переселения фольксдойче и изгнание поляков и евреев.

Депортации проходили четырьмя волнами. В соответствии с «Первым временным планом» (1. Nahplan), который осуществлялся с 1 по 16 декабря, около 88 000 человек были перевезены в Генерал-губернаторство, в основном в Люблинское воеводство, часто в неотапливаемых товарных вагонах и в районы, где не было продовольствия. создан, чтобы поглотить их. В их число входило около 10 000 евреев, в основном из Лодвы. Жесткость этой акции вызвала некоторую оппозицию со стороны Вермахта, и военный командующий Вартеландом генерал Петцель был вынужден издать последующий приказ 3 февраля 1940 года, в котором конкретно запрещалось членам Вермахта вмешиваться в дела изгнанных. Изгнание создало хаос в Генерал-губернаторстве, которое к 1 февраля 1940 года было вынуждено принять около 611 000 человек, в том числе более 450 000 евреев с западнопольских территорий, аннексированных Рейхом, и вызвало протесты со стороны главы немецкой администрации этих территорий. , Ганс Франк.

Анализируя «Первый промежуточный план», СС пришли к выводу, что поспешное его выполнение привело к депортации многих людей, которые должны были оставаться в Вартегау. В результате процесс депортации был централизован и на данный момент сосредоточен на сельских поляках, которые должны были уступить место этническим немцам. И это несмотря на призыв Гейдриха от 21 декабря к изгнанию всех евреев. Таким образом, в рамках «Промежуточного плана» (Zwischenplan) из Вартегау было изгнано около 40 000 человек, из которых лишь несколько сотен были евреями. «Второй промежуточный план» (2. Нахплан), который начался 1 марта 1940 года, предусматривал изгнание из Вартегау 133 508 человек, большинство из которых были польскими фермерами, переселенными в Генерал-губернаторство к востоку от Вислы. Большую часть остальных отправили в Германию в качестве принудительных работ; небольшое количество было отобрано СС для германизации. В депортацию также вошли 2663 еврея, депортированные из Познани

(Познань) в апреле 1940 года в Генерал-губернаторство.

С сентября 1940 по март 1941 года новая волна фольксдойче — около 275 тысяч человек из Литвы, Бессарабии и Буковины должны были быть возвращены «домой в Рейх». Целью «Третьего промежуточного плана» (3. Нахплан), начатого 5 февраля 1941 г., было освободить место для некоторых из них. Первоначально он предусматривал изгнание из Вартегау 81 000 человек. План был приостановлен 15 марта 1941 года из-за необходимости уделить приоритетное внимание логистическим потребностям предстоящего вторжения в Советский Союз. К этому моменту было депортировано в общей сложности 19 226 человек, в том числе 2140 евреев. Переселение фольксдойче продолжалось до конца 1942 года, к этому времени в Вартегау было переселено еще 82 093 человека. Часто это достигалось путем захвата польских усадеб, даже если их жители не были изгнаны из этого района. Всего в 1941 и 1942 годах свои дома потеряли 130 826 жителей Вартегау. Многие из них были призваны на принудительные работы в Рейхе.

Депортации возобновились после начала вторжения в Советский Союз, но в меньших масштабах из-за необходимости войны. К концу 1944 года более 750 000 немецких колонистов были переселены в этот район, 330 000 поляков были убиты, а еще 860 000 поляков были высланы либо в Генерал-губернаторство, либо на принудительные работы в Германию.

Резерфорд концентрируется на механизме депортации и на природе механизмов, ее осуществивших. Книга основана преимущественно на немецких архивных источниках и вторичном материале. Резерфорд гораздо меньше использует польские материалы и мало обсуждает влияние жестокой политики депортации на тех, кто от нее пострадал. Этот пробел отчасти компенсируется множеством современных фотографий, которые дают яркое представление о бесчеловечности политики Германии. Однако, как отметил Клаус-Питер Фридрих (в обзоре, опубликованном на сайте Американской ассоциации польско-еврейских исследований <http://aapjs.org>), существуют проблемы с атрибуцией некоторых из этих фотографий. Он отмечает, что "на стр. 145 фотография якобы сделана "близ Лицманштадта" (Лодва). Но поскольку здесь виден польский полицейский в форме темно-синего цвета, то это может быть только фотография из ГГ. По мнению автора, на фотографии на стр. 152 выше изображена «группа удрученных вновь прибывших в лагерях УВЗ» в Вартегау. Но в книге о немецких оккупационных преступлениях в районе Замонба есть та же фотография, обрезанная по краям, с подписью: Переселенное население ожидает «расовой» экспертизы. Атрибуция фотографий на стр. 95, 146, 152 (нижняя) и 153 представляется сомнительной, поскольку здесь трудно установить, являются ли изображенные лица депортированными поляками или евреями, в мигрирующие немцы, живущие за пределами Рейха (Auslandsdeutsche), переселенные Volksdeutsche

или другие».

Название книги «Прелюдия к окончательному решению» подчеркивает связь между обращением с поляками в Вартегау в первый 21 месяц войны и принятием политики массового убийства евреев в контролируемой нацистами Европе, вероятно, осенью. Политика по отношению к евреям, безусловно, была частью радикальной этнической реструктуризации Восточной Европы, начавшейся в сентябре 1939 года, и опыт, приобретенный в ходе депортаций из Вартегау, был использован для уничтожения евреев. Однако в политике германизации бывших польских западных территорий поражает то, что она была в значительной степени прекращена из-за других экономических и стратегических императивов. Возможно, эта политика была бы возобновлена после окончательной победы Германии, но что здесь бросается в глаза, так это контраст с тем, как Гитлер обращался с евреями. Чтобы добиться «окончательного решения еврейского вопроса», он подчинил рациональные соображения идеологическим императивам уничтожения «непримиримого расового врага» Третьего рейха. Хотя обращение нацистов с евреями зависело от того, что Ганс Моммзен назвал «кумулятивным процессом радикализации», политика в отношении поляков зависела от других соображений. По словам Резерфорда, «нацистская Volkstumspolitik по отношению к полякам, о которых идет речь, на практике дерадикализировалась от политики депортации к политике перемещения в сочетании с широкомасштабной германизацией сотен тысяч поляков, которые в других отношениях были «расово неполноценными»» (стр. 220). В этом смысле «война против евреев» занимала центральное место в мировоззрении Гитлера, в отличие от «войны против поляков».

Ласло Бори, Венгрия в холодной войне, 1945-1956 гг.

Рецензия: Анна Балог, независимый исследователь

Венгрия в холодной войне, 1945 г. «Война -1956 г.» — это объемная, хорошо проработанная книга, исследующая роль Венгрии в холодной войне. Заставляющее задуматься исследование Ласло Бори дает некоторый исторический контекст, но в первую очередь предназначено для того, чтобы предоставить новые исторические исследования и подробности для аудитории, уже знающей венгерскую историю.

Книга хорошо структурирована. Первая глава («Мы не хотим шевелить пальцем») готовит почву для обсуждения Борхи судьбы Венгрии в холодной войне, которая была решена взаимодействием между Венгрией и союзниками, а также между самими

союзниками во время Второй мировой войны. Название главы взято из памятного замечания министра иностранных дел Великобритании Энтони Идена, обобщающего позицию Запада: «Мы не хотим шевелить пальцем ради венгров» (стр. 32). В последующих главах описывается мрачная послевоенная ситуация в Венгрии и созревшие условия для эксплуатации, подробно описывается, как Советский Союз и венгерские коммунисты постепенно проникали на руководящие посты. Борхи также обсуждает официальный приход к власти коммунистов на выборах 1947 года, на которых, по оценкам, 466 000 человек были лишены избирательных прав. За венгерских коммунистов было отдано более 50 000 фальсифицированных голосов. Чтобы гарантировать победу коммунистов, Советский Союз освободил венгерских военнопленных (военнопленных) только после выборов. Как только советские чиновники взяли власть в свои руки в 1945 году, они использовали экономическую экспансию как инструмент доминирования в Венгрии и Восточной Европе. Содержащиеся в книге описания советского экономического правления и Венгрии как государства-сателлита являются заметным вкладом, особенно потому, что большинство научных исследований по этой теме подходят к ней либо с политической, либо с военной точки зрения. Книга завершается описанием политики США в отношении Венгрии и других государств-сателлитов с момента окончания Второй мировой войны до венгерской революции 1956 года.

Единственное значение Венгрии для американцев и британцев во время войны заключалось в том, чтобы отвлечь немцев от высадки в Нормандии. Венгерский лидер Миклош Хорти добивался и подписал предварительное перемирие с союзниками в (тщетной) надежде, что американские и британские войска оккупируют Венгрию до вторжения немцев. Он знал, что немецкое присутствие решит судьбу Венгрии, поскольку оно спровоцирует советское вторжение в ответ, а затем советскую оккупацию и господство. Англо-американская оккупация не была такой уж надуманной, как это может показаться в ретроспективе. Черчилль на самом деле неоднократно подумывал о том, чтобы ввести войска союзников в Италию и направиться на восток, в Венгрию, но в конечном итоге американцы убедили его пойти только до Австрии. Хорти просил сохранить в секрете достигнутое перемирие, но условия перемирия были переданы в лондонскую «Таймс» представителями США в Венгрии, которые, очевидно, полагали, что страх Хорти перед Советским Союзом был иррациональным и навязчивым.

К концу войны Венгрия стала местом тяжелых боев. Только в ходе осады Будапешта Советский Союз потерял 80 000 человек убитыми и 240 000 ранеными. Венгрия потеряла 340 000–360 000 солдат, 80 000–100 000 мирных жителей-неевреев и до 490 000 евреев. Около 600 000 венгров были увезены в СССР в качестве военнопленных, а около 200 000 не вернулись. Короче говоря, Венгрия потеряла 10 процентов своего населения. Кроме того, около 50 000–200 000 венгерских женщин

были изнасилованы советскими войсками. Более того, было уничтожено 40 процентов национального богатства Венгрии, в том числе повреждено 90 процентов промышленных предприятий и 40 процентов железнодорожной сети.

Венгрия также потеряла большую часть своей прозападной политической элиты, которая либо подверглась преследованиям со стороны немцев, либо стала беженцами, спасаясь от советской оккупации. В Венгрии больше не было политической элиты, которая могла бы противостоять давлению со стороны Советского Союза и венгерских коммунистов, которые захватили руководящие посты, чтобы позднее затянуть петлю.

После войны США, Великобритания и СССР создали Союзную контрольную комиссию (АКК) для надзора за Венгрией и выплаты репараций. Советские власти использовали АКК для получения контроля посредством эксплуатации, игнорируя жалобы США и Великобритании. Таким образом, Советский Союз стал единоличным арбитром венгерской политики. Такие наблюдатели, как представитель США в Венгрии, ошибочно полагали, что венгерские политические партии пошли на политические компромиссы по собственной воле.

В книге подробно описывается наивность американцев в отношении с Советским Союзом, в основном цитируя американских политиков и дипломатов, но также включена памятная фотография президента Гарри Трумэна, смеющегося с будущим венгерским коммунистическим диктатором Матиашем Ракоши на ступенях Белого дома, сделанная во время венгерской войны. Визит премьер-министра Ференца Надя в 1946 году. Борхи также цитирует американского министра в Венгрии Артура Шенфельда: «[Ракоши был] сильным и очень умным человеком, обладавшим преимуществом знания собственного ума. Его знание английского языка и контакты с англо-американскими пресс-кругами делают его одним из наиболее просвещенных венгерских общественных деятелей. (с. 67). Это заявление выдает рефлексивную предвзятость в отношении венгров.

Одним из главных вкладов книги является обсуждение использования Советским Союзом экономической экспансии как инструмента доминирования в Восточной Европе. Действительно, советская экспансионистская политика наиболее очевидна в экономической сфере. «Таким образом, из-за упущения истории, возможно, непреднамеренно подтверждают марксистскую точку зрения о том, что экономический империализм является пороком только капиталистических держав» (стр. 139). Советский Союз получил 23,2 миллиарда долларов из стран Восточной Европы в период 1945-1960 годов, что намного превышает сумму, которую Соединенные Штаты предоставили Западной Европе через план Маршалла. Эта цифра не включает расходы на содержание и размещение советских вооруженных

сил.

Из Венгрии Советский Союз забирал машины, продовольствие, готовую продукцию, а также стратегическое и нестратегическое сырье и получал непрерывный поток денежных платежей. Были созданы совместные компании, которые дали СССР контроль над ключевыми частями экономики, а внешняя торговля Венгрии была переориентирована на советский рынок. Соединенные Штаты пытались создать экономически открытую сферу, но были остановлены советскими требованиями о закрытии экономической сферы. Советский Союз конфисковал компании в Венгрии, устранил западные инвестиции и получил фактический контроль над системой военных репараций.

Экономика стала отличным инструментом для разрыва связи с западной ориентацией Венгрии. Эта стратегия исключала любую возможность присутствия США и гарантировала приток богатства в СССР. Советский Союз смог со временем укрепить свое влияние, поскольку экономическая прибыль от торговли увеличивала экономическую мощь доминирующей страны. Венгрия как государство-сателлит попала в зависимость от доминирующего государства, предоставив Москве дополнительные инструменты принуждения.

Борхи описывает политику США в отношении Венгрии в 1956 году как «недорогую попытку дестабилизировать Советский Союз» (стр. 306). Если попытка потерпит неудачу, американцы смогут отказаться от какого-либо участия, предоставив венгерским боевикам возможность постоять за себя. В конечном счете, 1956 год стал убедительной демонстрацией того, что судьба Восточной Европы находилась в руках только СССР.

Борхи старается сохранять нейтральный беспристрастный тон, представляет разные взгляды на события и позволяет цитатам говорить самим за себя. Книга хорошо исследована и содержит подробные отчеты о том, как Советский Союз пришел к доминированию в Венгрии, как тайно, так и явно. Структура книги превосходна, хотя редактирование требует значительного улучшения. Незначительные грамматические ошибки можно было бы обнаружить при более тщательной корректуре. Однако ничто из этого не умаляет огромной ценности книги, которую стоит прочитать из-за того, что она дает представление об этом малоизученном периоде истории Венгрии.

Владимир Гельфанд, Deutschland-Tagebuch 1945-1946 гг.

Рецензия Нормана М. Наймарка, Стэнфордский университет

Публикация обширного, неочищенного дневника солдата Красной Армии, пережившего как окончание войны на Восточном фронте, так и советскую оккупацию Германии, вполне может считаться важным событием в историографии военного времени и послевоенной Европы. Дневник и бумаги отца Владимир Гельфанд привез в Германию, эмигрируя туда в 1995 году. Неразрезанных и нецензурированных дневников советских солдат этого периода у нас очень мало. Более того, будучи сравнительно бесхитростным и откровенным писателем, Гельфанд, похоже, не особо занимается самоцензурой. Тем не менее, дневник Гельфанда, к сожалению, далеко не оправдывает ожиданий, несмотря на профессиональное редактирование, аннотации и послесловие Эльке Шерстяной, одного из ведущих немецких специалистов по советским оккупационным войскам, и несмотря на превосходное издание книги, которая включает в себя множество запоминающихся фотографий. Гельфанда в Германии. Вставка писем Гельфанда домой к матери, отцу, другим родственникам и друзьям эффективна как способ углубить понимание взглядов и переживаний молодого лейтенанта. Настоящая проблема книги — Гельфанд, который, как указывает Шерстяной, «интересуется прежде всего самим собой» (с. 333).

Гельфанд не только полностью погружен в себя, но и не очень интересный или проницательный 22-летний парень. Как и многие честолюбивые представители советской интеллигенции его поколения, он питает преувеличенные литературные претензии и амбиции. Но у него также мало навыков, кроме общей грамотности и знакомства с советской литературой 1930-х годов. Его ссылки на русскую литературу XIX века или на немецкую классику мимолетны и поверхностны. Он пишет регулярно и подробно, чтобы, по его мнению, развить свой талант. Он записывает в свои дневники некоторые сценарии будущих историй, ни один из которых не является особенно интригующим. Он гордится своими стихами, особенно следующим стихотворением, которое он написал на Рейхстаге (оно также появляется в письме его матери и дневниковой записи от 24 августа 1945 года). «На балконе берлинского доходного дома; Я стою с товарищами; И смотрю и плюю на Германию; Я плюю на Берлин, побеждённый» (с. 113, 126).

В первой части дневника, с января 1945 года и сразу после майской победы, Гельфанд тратит слишком много времени, жалуясь на своих соратников. Он описывает их поведение как грубое, простодушное, воровское и совершенно одурманенное (в то же время исповедуя свой вечный советский патриотизм), и очевидно, что он ладит с очень немногими из них. Фактически, куда бы он ни пошел, он, кажется, вызывает враждебность своего непосредственного начальства и окружающих. Он член партии, «сталинист» и начинающий политический пропагандист. Но никто не хочет слышать о его политическом вмешательстве. Он также возмущён и плаксив по поводу того факта, что его постоянно обходят вниманием к военным

медалям. Он считает себя образованным и чувствительным, а своих товарищей неизменно жестокими, склонными к заговору и завистливыми. Лишь гораздо позже в своем дневнике он предполагает, что, возможно, его обошли вниманием к медалям из-за его еврейского происхождения. На самом деле он почти ничего не говорит ни о своем еврействе, ни о Холокосте. Это особенно примечательно, поскольку в ходатайстве к своему начальству об отпуске на родину он упоминает, что потерял многих членов семьи в результате массовых убийств нацистов.

Размышления Гельфанда о женщинах и сексе в оккупированной Германии доминируют в его мыслях и чувствах. Он считает себя невероятно привлекательным для женщин. Он не винит их за то, что они флиртуют с ним на улице, спят с ним, когда он предлагает им такую возможность, и влюбляются в него, как они это делают обычно. Хотя он говорит, что предпочитает русских женщин, он переходит от немецкой девушки к немецкой девушке, наивно разочаровываясь в том, что «настоящая любовь» неуловима и что ни одна из его любовниц не соответствует его возвышенным представлениям об идеальной женщине. Он почти не осознает того, что голод и потребность в защите толкают многих немецких девушек и женщин в его постель. Неудивительно, что он заболевает венерической болезнью и вынужден терпеть болезненное лечение скипидарными инъекциями. Обычно единственная женщина, которой Гельфанд искренне восхищается, — дочь русской семьи, депортированной нацистами в Германию, — отвергает его попытки сблизиться с ней. Русские женщины, заключает он, не ценят такой чувствительный и нежный темперамент, как его собственный. Гельфанд почти ничего не говорит о повсеместной проблеме изнасилований в оккупированной Германии. Его совершенно не интересует немецкая политика и проблемы четырехдержавного Берлина. В то же время он часто принижает немецкие стандарты культуры и нравов, высмеивает немецкие фетиши в отношении еды и их скупость, что вполне понятно в послевоенных условиях нехватки и острого голода.

До демобилизации в конце сентября 1946 года Гельфанд работал в различных частях советского репарационного и трофейного управления в Германии, вывозя промышленный материал и библиотеки, перевозя лес и запчасти. Его наблюдения за своими задачами дают некоторое представление о хаосе операций по демонтажу и бессистемности их частого выполнения. То, как он может передвигаться по советской зоне более или менее по своему желанию, а также его постоянно меняющиеся задания в том или ином городе и поселке, свидетельствуют о гораздо более разгульной жизни, чем часто полагают о советских солдатах в оккупации. Он беспрестанно покупает, продает и торгует, ищет в одном городе пленку, в другом фотоаппарат, в третьем — сшитую на заказ одежду. Частота, с которой он отправляет посылки и письма домой, отражает поток информации и материалов из Германии в Советский Союз, который вполне мог оказать большее влияние на послевоенное

существование СССР, чем предполагали историки. Несмотря на повторяющиеся рассказы Гельфанда об эксплуатации женщин в Германии, они предполагают, что сексуальные отношения между солдатами-оккупантами в советской зоне, возможно, напоминали отношения в западных зонах больше, чем первоначально думали ученые. Получается картина распущенности нравов и легкого секса в советской зоне, которая соответствует картине послевоенной Германии в целом и которая, как и Германия в целом, была основана на лишениях и незащищенности, которым подвергалось бесчисленное количество женщин и девочек.

Хотя чтение дневника Гельфанда можно извлечь полезные уроки, многие из подвергнутых цензуре дневников и мемуаров, опубликованных в виде статей и книг в советский период, были более проникательными и интересными, чем этот отчет. По сути, издатели и редактор оказали бы своим читателям услугу, сократив часто повторяющийся дневник Гельфанда. Триста страниц Владимира Гельфанда в образе молодого солдата — это больше, чем может вместить любой читатель, даже тот, кто глубоко интересуется послевоенной Германией.

Джонатан Р. Затлин, Валюта социализма: деньги и политическая культура в Восточной Германии. Нью-Йорк: Издательство Кембриджского университета, 2007. 377 стр.

Рецензия Питера Леделя, Западно-Честерский университет

Исторический график важных и преобразующих моментов в истории Германии неизбежно будет перемежаться ссылками на деньги, монетарную политику и валютную политику. От создания Германского Рейха в 1871 году до Веймарского кризиса, символом которого стала гиперинфляция 1923 года, и от учреждения западногерманской немецкой марки (и закрепления разделения Германии) в 1948 году до валютного объединения Германии в июле 1990 года. Политика денег пронизывает ткань политической, экономической и культурной психики Германии. Впечатляющее исследование Джонатана Затлина экономической и денежной «культуры социалистического потребительства» (стр. 15) в Германской Демократической Республике (ГДР) обеспечивает решающую и важную связь в нашем понимании глубоко укоренившейся немецкой «проблемы» с деньгами. По мнению Затлина, попытка ГДР создать коммунистическую утопию основывалась на устранении решающей роли денег. Несмотря на эти усилия, лидеры ГДР, в первую очередь Эрих Хонеккер, по иронии судьбы в конечном итоге создали условия для краха социализма. Возможно, лидерам ГДР следовало бы знать лучше, поместив

изображение Карла Маркса на восточногерманскую банкноту в 100 марок. Как и опасался Маркс, ничто так не искажало личность и общество, как власть денег.

Затлин умело выдумывает мощное и оригинальное междисциплинарное объяснение коллапса Восточной Германии. Историки экономики, политологи и студенты Германии найдут в этой книге что-то интересное и ценное. Представление Затлина о взаимодействии политики, экономики и культуры тщательно отражает запутанные и противоречивые попытки лидеров ГДР контролировать и регулировать использование денег. Он тщательно изучил официальные архивы ГДР, а также опирался на интервью с ключевыми фигурами, раскрывая портрет восточногерманского руководства, оказавшегося в ловушке почти невыполнимой задачи контроля над экономикой ГДР. Если деньги (в виде твердой валюты) управляют миром, то именно деньги в форме немецкой марки заставили ГДР сесть на мель. Попытки использовать рыночные силы и твердую валюту (например, через систему Intershop) лишь подрывают моральный и этический статус призыва правительства к эгалитаризму и социальной справедливости. Почти на каждом этапе планирования экономики Восточной Германии (главное внимание Затлина уделяется эпохе Хонеккера) партийные лидеры сталкивались с провалами ключевых политических мер, усугубляемыми предыдущими неудачами. Примеры лицемерия их политических формулировок во имя «реально существующего социализма» слишком многочисленны, чтобы их можно было перечислить (многие из них приведены в книге Затлина).

Более того, для тех из нас, кто следил за ролью немецкой марки в объединении Германии в июле 1990 года, Затлин освещает решающую роль гражданских петиций, показывая, как они закалили мужество восточногерманской общественности, готовой обратиться к власти и в конечном итоге обратиться к властям. их спиной к этому. Поэтому неудивительно, что агрессивное стремление Коля к паритету, которое было отчасти направлено на обеспечение политического контроля над возникающим и быстро меняющимся процессом воссоединения (и будущим общегерманским правительством), а также на то, чтобы остановить поток беженцев в Запад нашел такой восприимчивый слух на Востоке. Если бы кто-то согласился с его предложением 1:1 (а Бундесбанк был не слишком доволен), это было бы «последним гвоздем в гробу восточногерманской системы». Немецкая марка наконец пришла в Восточную Германию. По иронии судьбы, правительство Западной Германии с ее капиталистической системой теперь было настроено «уравнять» две Германии (с точки зрения обмена остмарков на немецкие марки), чего восточногерманским социалистам никогда не удавалось добиться.

В этой книге мало что можно критиковать. Учитывая исторический подход Затлина, неудивительно, что книга получилась длинной и подробной (348 страниц

текста). Возможно, какой-то материал мог быть сокращен. Например, главу 5, озаглавленную «Корабль желаний», можно было бы объединить с главой 6, посвященной идеологии потребления. Эти две главы больше всего похожи на части диссертационного проекта: они интересны, во многом иллюстративны и хорошо написаны, но длиннее, чем нужно, чтобы поддержать аргументы автора. Можно также возразить, что в книге немного недостает более широкой объяснительной теории. Иногда автор привносит в свой анализ различные аналитические подходы; например, цитируя теорию выбора Альберта Хиршмана или марксистско-социалистическую денежную теорию (все они используются в нужный момент в книге). Однако в книге отсутствует всеобъемлющая концепция, объясняющая упадок восточногерманской системы. Была ли политическая культура, социальные движения, силовая политика или межпартийная бюрократическая борьба свергли режим? Можно возразить, что конец режима не имеет ни одного «лучшего» объяснения, и действительно, Затлин тщательно сшивает воедино уникальное многоуровневое понимание и интерпретацию экономической истории Восточной Германии и ее краха.

Можно также утверждать, что падение режима Восточной Германии было больше связано с рынками, чем с деньгами или культурой. В конце концов, рынки – неумолимые, непреклонные и неконтролируемые – обрушили ГДР. Несмотря на попытки устранить ценовой механизм как функционирующий элемент экономического планирования, спрос и предложение в конечном итоге установили «цену» почти на все в ГДР, включая цену свободы. Эта основная реальность привела к распаду ГДР и продолжает жить в суматохе неравномерного экономического развития в восточных частях объединенной Германии.

Итан Поллок, Сталин и советские научные войны. Принстон, Нью-Джерси: Издательство Принстонского университета, 2006. 269 стр. 35 долларов США.

Рецензия Джеймса Т. Эндрюса, Университет штата Айова

Итан Поллок представил убедительный, элегантно написанный анализ советских знаний, науки и власти в 1945-1953 годах, в эпоху высокого сталинизма и на заре холодной войны. Книга основана на обширных архивных исследованиях в России и тысячах документов из бывшего Центрального партийного архива (ныне известного как Российский государственный архив социально-политической истории) в Москве. Поллок сосредотачивает внимание на вмешательстве Иосифа Сталина в научные дебаты по шести дисциплинам – философии, сельскохозяйственным наукам, физике, лингвистике, физиологии и экономике – и показывает, что Сталина гораздо больше

интересовали научные идеи, чем было известно ранее. Эти вопросы, по мнению Поллока, имели решающее значение для легитимности Коммунистической партии, и дебаты также отражали руссоцентрический патриотизм эпохи после 1945 года, а также широко распространенную ксенофобию и «антикосмополитизм». Поллок объясняет, как партия управляла научными спорами и как сам Сталин пытался поощрять дебаты, одновременно публикуя эссе или разрешая споры либо открыто, либо тонким образом за кулисами.

Книга начинается с анализа того, как советская политическая и научная элита маневрировала, критикуя «Историю западноевропейской философии» (и философскую дисциплину в целом) Георгия Александрова за якобы преувеличение степени влияния европейских философов на марксизм. Представители Коммунистической партии утверждали, что такие философы, как Александров, должны были подчеркнуть, что русская мысль сыграла центральную роль в истории философии – руссоцентрический подход, который характеризовал послевоенный сталинизм, как показывает Поллок во второй главе. В третьей главе он обращается к коварному делу Лысенко в биологии в 1948 году, которое разрушило область советской сельскохозяйственной генетики. Поллок в некоторой степени заимствует работы других ученых, таких как Кирилл Россианов, который ранее анализировал, как Сталин редактировал работу Трёма Лысенко, и не всегда ясно, что конкретно нового в анализе Поллока. Поллок переформулирует представление о том, что Сталин редактировал речи Лысенко и, таким образом, курировал гнусную кампанию против генетики, которая преуменьшала значение слова «класс» и заменяла его такими словами, как «реакционный» или «идеалистический». Первая часть книги завершается четвертой главой анализом дебатов по физике той эпохи. Поллок утверждает, что сессия Сельскохозяйственной академии 1948 года резко изменила поле идеологической битвы в физике. Советских защитников новой физики относительности и квантовой механики можно было считать «непатриотичными» и «идеалистическими». Поллок считает, что антисемитизм также сыграл свою роль в критике физиков Академии наук. Он утверждает, что «у патриотичных университетских физиков существовала тенденция объединяться с философами, критикующими современные физические теории» (стр. 81). Некоторые физики Академии, такие как Игорь Курчатов, возглавлявший научную часть проекта создания ядерной бомбы, в конечном итоге лоббировали режим против проведения конференции в стиле Лысенко, чтобы наказать физиков из Академии. В конце концов, по мнению Поллока, физики из Академии были спасены благодаря своей полезности для проекта ядерного оружия режима – аргумент, который исчерпывающе изложил Дэвид Холлоуэй в своей монументальной книге «Сталин и бомба: Советский Союз и атомная энергия, 1938-1956». (Нью-Хейвен: издательство Йельского университета, 1994.

Вторая половина книги Поллока посвящена трем дисциплинарным дебатам: в физиологии, лингвистике и политической экономии. В шестой главе Поллок анализирует Павловские сессии 1950 года, которые тщательно координировались советской научной секцией под руководством Юрия Жданова. В данном случае Политбюро жестко защищало теорию Павлова о том, что условные рефлексы служат руководством к пониманию всего сложного поведения человека и животных. Поллок показывает в этой главе, как партийные лидеры хотели, чтобы празднование Павлова вызывало больше разногласий, чем настоящие физиологи, которые предпочитали (по крайней мере, на начальном этапе) продемонстрировать некоторое единство в своей области. В конце концов Сталин дал Жданову полную поддержку и дал совет, как, по словам Сталина, «нападать на недоброжелателей с уверенностью в полном успехе» (стр. 146). Вероятно, наиболее оригинальными главами являются пятая и седьмая главы, в которых описываются академические дебаты в лингвистике и политической экономии соответственно. Хотя пятая глава заимствована из отредактированной книги Эрнеста Дж. Симмонса, опубликованной в 1951 году, Поллок убедительно показывает, как собственная статья Сталина в июне 1950 года «Марксизм и лингвистика» привела к «монументальному, но неоднозначному сдвигу в советских усилиях понять взаимосвязь между партийной идеологией и лингвистикой». и знания» (с. 123). Здесь Сталин отчаянно пытался продемонстрировать свое знание марксизма, критикуя выдающегося советского лингвиста Николая Яковлевича Марра. Хотя Поллок показывает, что статья Сталина все еще оставляет открытыми споры о языке в СССР, он менее убедительно показывает серьезность, с которой лингвисты или советские граждане на самом деле уважали интеллектуальные набеги Сталина. Книга заканчивается обзором экономических дебатов в седьмой главе под названием «Все ждут». Поллок показывает, что в отличие от других областей, таких как философия, Сталин пытался убрать пропаганду из работы экономистов и вместо этого сделать упор на научную основу их области. Как и в дискуссии о лингвистике, Поллок документирует здесь внезапное вмешательство Сталина и, таким образом, изменение работы профессиональных экономистов в СССР.

Иногда, читая эту книгу, задаешься вопросом, не нависают ли огромные архивные исследования Поллока над этой работой и, таким образом, не становятся ли референтной заменой какой-то более широкой, более глубокой аналитической и теоретической основы для понимания того, как наука и знания управлялись (и получали) вверх и вниз по всему миру. Бюрократическая лестница в сталинское время. Более того, Поллок мог бы более четко показать, чем его работа отличается от методологических подходов других ученых при решении аналогичных проблем. Рассмотрим «Сталинистскую науку» Николая Кременцова (Принстон, Нью-Джерси: Princeton University Press, 1996). В отличие от Поллока, Кременцов придерживается более риторического подхода и фактически показывает, как некоторые ученые играли в сложные игры с советским научным аппаратом только для того, чтобы вновь

предстать в ином свете после смерти Сталина. Иногда группы ученых и советское общество как сама база теряются в повествовании Поллока о сталинской нисходящей инженерии советских идеологических дебатов. Наконец, возникает вопрос, дает ли анализ Поллока нам больше детального понимания маниакального видения Сталиным себя как «ученого/теоретика» во всех областях и, таким образом, проливает свет не столько на то, насколько серьезно Сталин относился к своим собственным научным вмешательствам, сколько на то, насколько серьезно Сталин относился к своим собственным научным вмешательствам. Советские ученые, как показывают свидетельства Поллока, казались бессильными избежать вторжений Сталина в их сферу деятельности.

Если оставить в стороне эту критику, Поллок написал ясный, заставляющий задуматься и всеобъемлющий обзор основных научных дебатов послевоенной эпохи. Его представление о Сталине как о «корифее» науки, «лидере хора» дает читателю интересную основу для понимания того, как послевоенные ученые «пели в ритме» хореографически поставленных Сталиным дебатов. Хотя идея Поллока о том, что Сталин на самом деле культивировал настоящие «научные дебаты», не является полностью убедительной, в книге дается углубленный взгляд на то, что Сталин как политический лидер был, вероятно, единственным, кто мог идти в ногу со своими собственными развивающимися представлениями о науке и партии. - продиктованная истина. Эта книга дает ученым и студентам наиболее подробный обзор вмешательства партии (и Сталина) в академическую сферу во время высокого сталинизма и, таким образом, будет представлять большой интерес для тех, кто интересуется политической и интеллектуальной историей СССР и историей научной мысли. на заре Холодной войны.

Хироаки Куромия, Голоса мертвых: Большой сталинский террор в 1930-е годы. Нью-Хейвен: Издательство Йельского университета, 2007, стр. 30 долларов.

Рецензия Саймона Эрца, Стэнфордский университет

В этой амбициозной и многогранной книге Хироаки Куромия пытается реконструировать опыт «обычных» жертв Большого террора в Советском Союзе конца 1930-х годов. Внимательно читая материалы их дел, он пытается восстановить то, что он называет «истинными голосами» нескольких десятков случайно выбранных людей, которые были арестованы, допрошены и (за некоторыми исключениями) казнены Народным комиссариатом внутренних дел (НКВД). в «массовых операциях» с лета 1937 по осень 1938 года в Киеве. Несмотря на то, что за последние годы

различные ученые, в том числе Куромия, значительно расширили наши знания об истоках, хронологии и механике Большого террора, никто ранее не предлагал столь же тщательного изучения отдельных протоколов допросов. Всякий раз, когда сохранялись рукописные протоколы допросов, Куромия анализировал их, поскольку они часто обнаруживают явные отличия от напечатанных версий. Он внимательно следил не только за содержанием и динамикой допросов, но и за лакунами, внутренними противоречиями и маргиналами в материалах. Он изобретательно отследил дополнительную информацию о своих героях и удачно контекстуализировал их судьбы в более широком социальном и политическом контексте 1930-х годов.

Хотя навыки Куромии в анализе и интерпретации этих источников действительно впечатляют, остается несколько белых пятен. Наиболее очевидные из них касаются конкретных процедур допроса, в частности, использования угроз, обмана, физических и психологических пыток, описанных в многочисленных воспоминаниях жертв репрессий. Поскольку почти все подданные Куромии не имели даже возможности зафиксировать свои переживания, а их ле хранят молчание по этому вопросу, Куромия в большинстве случаев может подозревать использование подобных практик только тогда, когда допрашиваемые начинали признаваться — постепенно, частично, а часто выражаясь шаблонным языком, — к деяниям, которых они, по всей вероятности, никогда не совершали.

Несмотря на такие ограничения, Куромия преуспевает в предоставлении удивительно разнообразного и подробного понимания сути механизма Большого террора. Тринадцать глав, в каждой из которых описываются дела нескольких лиц, преследуемых по определенной причине, иллюстрируют широкий спектр факторов, которые могут спровоцировать преследования. Читатель встречает людей, время от времени ворчавших на многочисленные тяготы повседневной жизни, слишком явно державшихся религиозных обрядов, не сумевших оторваться от обреченных родственников и близких, привлеченных к сотрудничеству с НКВД, но не сумевших порвать с ними. не предоставил удовлетворительных сведений или просто носил неправильную фамилию (как это случилось с неким Леонидом Павловичем Троцким). Одной из тем, проходящих через многие статьи, являются предполагаемые связи с иностранными державами, что подтверждает более ранние аргументы Олега Хлевнюка и Куромии о значимости внешнеполитического фактора для объяснения времени и природы массового террора 1937-1938 годов. Основания для таких подозрений были разнообразны: польская или корейская этническая принадлежность, любое взаимодействие с иностранными консульствами или их персоналом, члены семьи, живущие за границей, или просто маргинальность своего существования, что в глазах режима повышало уязвимость к попыткам вербовки. иностранными спецслужбами.

Были ли у советского руководства серьезные основания для таких опасений? Дела Куромии ярко иллюстрируют, что недовольство и недовольство не были редкостью в 1930-е годы в Киеве и за его пределами. Как могло быть иначе, учитывая ужасы коллективизации и последовавший за ней голод, постоянную нехватку и разочарование, которые были характерны для повседневной жизни, постоянное вторжение советской системы в жизненный мир простых людей, сохраняющиеся воспоминания, идеализированные или нет, о лучших временах под властью Царь и подозрение, что за западной границей жизнь может быть более сносной при режимах, которые кажутся фундаментальной альтернативой большевизму? И тем не менее, ни в одном случае, который расследовала Куромия, НКВД не собрало правдоподобных доказательств, а тем более доказательств того, что какая-либо из его жертв занималась деятельностью, которая хоть сколько-нибудь приблизилась бы к серьезному противодействию режиму, не говоря уже о угрозе.

Именно из-за огромной пропасти между тем, что следователи должны были найти, и тем, что допрашиваемые могли и были готовы признать, получение «истинных», неискаженных «голосов» последних из полицейских файлов является чрезвычайно трудной задачей, как утверждает Куромия. сам часто признает. Поэтому точнее можно сказать, что его усилия зачастую приводят к раскрытию того упорства, с которым подавляющее большинство потерпевших, даже в условиях крайнего принуждения, сопротивлялись попыткам следователей опутать их паутиной коварных, а зачастую и фантастических обвинений. Действительно, одним из самых поразительных выводов Куромии является частота, с которой следователям не удавалось заставить своих жертв признаться в предполагаемых преступлениях. Если самообвинения тем не менее были получены, они, как правило, были неопределенными и подрывались сопроводительной документацией. В результате, когда сотрудники НКВД печатали рукописные протоколы и готовили их к (фиктивному) суду, они часто приписывали своим жертвам заявления, которых они никогда не делали, и скрывали, что жертвы продолжают заявлять о своей невиновности.

Эти выводы прямо указывают на фундаментальную дилемму советского террора. Если террор, развязанный большевиками и доведенный до своей кульминации Иосифом Сталиным, следует понимать как попытку установить и укрепить тотальный, революционный порядок посредством устранения любых конкурирующих концепций порядка (будь то дореволюционного или иностранного происхождения).), то непоследовательность, противоречия и неправдоподобные утверждения, которыми наполнены полицейские файлы, свидетельствуют, по крайней мере, о частичном провале. В критический момент, когда неуправляемые и враждебные «элементы» были не просто цифрами в оперативных документах или пропагандистскими категориями и стереотипами, а должны были безошибочно идентифицироваться

среди живых людей, исполнительные органы партии-государства столкнулись с препятствиями, которые даже насилие не могло победить. Разумеется, смертный приговор в Советском Союзе не обязательно должен был вытекать из правдивого и логически последовательного приговора: неконтролируемой власти и решимости применить ее было вполне достаточно. Более того, публичные заявления о выявлении и наказании «врагов» были стилизованными и, следовательно, гораздо более связными, чем файлы тайной полиции. Тем не менее, показательно, что хотя НКВД могло и регулярно практиковало пытки, а также манипулирование и фальсификацию документов, оно все же оставило после себя множество записей, которые вместо того, чтобы подтверждать предположения режима о изобилии врагов, полны противоречий. Таким образом, Большой террор не только не создал желаемого абсолютного, окончательного порядка, но посеял беспорядок, переворот и путаницу в жизни миллионов и даже во внутренних документах.

Помимо всех этих достижений, настоящая книга также является попыткой восстановить небольшую часть памяти анонимных масс «обычных» жертв террора. И здесь это удастся настолько, насколько позволяют источники. Тонкая и тщательная реконструкция Куромией судеб его подданных, дополненная выдержками из протоколов их допросов и несколькими трогательными «фотографиями», позволяет проницательному читателю понять, что значило для этих людей видеть, как их жизни разбиваются вдребезги. диковинных и неизменно фатальных обвинений.

Можно предположить, что сам факт того, что Куромии был допущен в лес НКВД в Киеве, оставляет место для надежды, что хотя бы в Украине преступления, совершенные советской партией-государством, не скоро будут забыты, тем более что во времена, когда украинские политики стремятся добиться международного признания голода начала 1930-х годов как акта геноцида. Чего нельзя сказать о сегодняшней России. Наконец, никогда не следует забывать об избирательности поминовения, о чем свидетельствует почти одновременно вышедшая книга Омера Бартова «Стертые: исчезающие следы еврейской Галиции в современной Украине» (Принстон, Нью-Джерси: Princeton University Press, 2007), в которой показано, как в Западной Украине Следы не только Холокоста, но и любого предыдущего еврейского присутствия быстро стираются, иногда заменяясь националистическими образами.

Патрисия Кеннеди Гримстед, Ф. Дж. Хугевуд и Эрик Кетелаар, ред., «Возвращение из России: нацистское разграбление архивов в Западной Европе и недавние проблемы реституции». Билт Уэллс, Уэльс: Институт искусства и права Ltd., 2007. xxii 2 349 стр. 28 фунтов стерлингов.

Отзыв Питера Б. Мэггса, Университет Иллинойса в Урбана-Шампейн

«Возвращение из России» начинается со 132-страничного вступления Патрисии Кеннеди Гримстед, в котором рассказывается о разграблении архивов нацистской Германией, захвате разграбленных архивов советскими войсками, перемещении этих архивов в СССР и долгих, но в конечном итоге успешных усилиях. обеспечить возвращение этих архивов. Затем в книге представлены главы ведущих архивистов из разных стран, в которых обсуждаются длительные переговоры о возвращении архивов. Также включен ряд юридических документов, касающихся процесса реституции.

Во время Второй мировой войны нацистские власти разграбили архивы, книги и произведения искусства из крупных коллекций в оккупированных странах, а также у жертв угнетения в Германии. Небольшая часть разграбленных архивов содержала военные карты и информацию. Однако подавляющее большинство из них предназначалось для библиотек и музеев, которые должны были быть созданы после победы Германии.

Победоносные советские войска захватили из Германии множество архивов, книг и произведений искусства. Некоторые из них были частью давних коллекций немецких учреждений. Остальные были вывезены немцами из зарубежных стран и жертв Холокоста. Хотя некоторые из изъятий (например, карт и планов боевых действий) предназначались для законных советских военных целей, большинство из них, по-видимому, с самого начала предназначалось для выплаты репараций. Однако ни имущество жертв Холокоста, ни архивы союзных правительств не могут быть подходящими кандидатами на сохранение для возмещения ущерба. Незаконный характер советских захватов привел к длительному периоду секретности о советских активах. Когда эта секретность начала сниматься, СССР, а затем и Россия оказались в непростительной моральной ситуации. В то же время российские архивисты столкнулись с острой нехваткой ресурсов, что препятствовало проведению инвентаризации, сохранению разграбленных архивов и подготовке к их возвращению.

К началу 1990-х годов, как пишет Гримстед, националистические настроения в России привели к принятию законодательства, которое затруднило возвращение культурных ценностей. Для описания этих сокровищ она использует слово «перемещенные» (в кавычках). Как я уже говорил с ней, меня не устраивает выбор этого слова, которое слишком мягкое для описания таких действий, как преступное нацистское и советское разграбление имущества жертв Холокоста. Это также не точный перевод корыстного термина «перемещенные», использовавшегося в российском законодательстве 1990-х годов, слова, лишенного подтекста «не в том

месте», присущего слову «перемещенные» (как, например, «перемещенные лица»).

Каждая из глав о возвращении отдельных архивов (Франции, Бельгии, Нидерландам, Люксембургу и Архиву Ротшильдов) рассказывает историю сложных переговоров. С западноевропейской стороны они демонстрируют различные подходы, включая весьма умелую дипломатию. Иногда возникали принципиальные разногласия. Несомненно, например, что захват и хранение записей о немецких войсках, оккупировавших Нидерланды, было законным действием победивших союзных армий. Однако было менее ясно, принадлежали ли такие записи первой союзной стране, которая их забрала (Советскому Союзу), или стране-союзнице, которая их больше всего беспокоила (Нидерландам). Российские власти обычно разрешали подобные споры в одностороннем порядке и в свою пользу.

На российской стороне читатель видит благонамеренных архивариусов, работающих при хамском и скупом правительстве. Результатом стали такие непростительные действия, как освобождение Архива Ротшильдов только при уплате королевского выкупа в виде сборника писем между царем Александром II и его женой. Россияне также успешно потребовали выплаты многочисленных «расходов» в качестве условия возврата дважды украденного товара. К сожалению, большая часть или все эти деньги так и не дошли до обездоленных российских архивных учреждений.

Этот краткий обзор не может отдать должное невероятным деталям каждой главы книги. Относительно мелкий шрифт и обильные сноски позволили «Возвращению» и тем самым повысить роль и понимание террора. Для авторов советская система была прежде всего самодостаточной.

По мнению авторов, характер большевиков сформировался в результате сочетания жестокого притеснения рабочего класса позднецарским государством и манихейской традиции русского православия. Этот коктейль классовой борьбы и истории культуры преуменьшает значение элемента грубой силы, применявшегося советским руководством.

Гетти и Наумов утверждают, что Ежов с самого начала был человеком, добившимся успеха самостоятельно, и радикальным большевиком. В этом отношении они выступают против других биографов, отрицающих радикализм Ежова и его активное участие в Октябрьской революции. На вкус этого рецензента авторы слишком полагаются на автобиографию Ежова.

Гетти и Наумов считают, что гражданская война в России была очень важным фактором в возникновении политических взглядов и менталитетов, которые

поддерживали сталинизм. Все во время гражданской войны интерпретировалось в рамках бинарной концепции классовой оппозиции: друг против врага, мы против них, рабочий против диверсанта. С этой точки зрения все проблемы были вызваны людьми с плохими намерениями, то есть врагами народа, а формальным правам, процедурам и законам не было места в мире, в котором уже было известно, что хорошо и правильно. Без сомнения, преступления, совершенные большевиками во время гражданской войны, создали зависимость, которая впоследствии сделала для них невозможным покинуть начатый ими кровавый путь, но не следует забывать, что в дело вмешались и другие менталитеты; например, умеренные социалисты, имевшие подлинную поддержку в массах, но с которыми безжалостно боролись большевики.

Гетти и Наумов переосмысливают старую идею Моше Левина о «сельской связи». То есть большая часть верных кадров фабричных рабочих и солдат погибла в годы гражданской войны, и большевикам пришлось строить социализм во враждебном окружении первобытных крестьян. Или, как выразился Левин, массы стали обузой для Владимира Ленина. Эта интерпретация предполагает, что рабочие верили в социалистический проект. Читатели, которые не разделяют это предположение, вместо этого могут увидеть в Ленине бремя для общества и поверить, что в гораздо большей степени, чем менталитет масс, практическая и моральная невозможность большевистской утопии была ядром советской трагедии.

Гетти и Наумов хотят объяснить сталинскую систему, а не просто составить каталог злодеяний. Этот рецензент очень сочувствует их амбициям, но чувствует, что они рискуют рационализировать то, что не может быть рационализировано. Ежов, как его изображают Гетти и Наумов, был обычным парнем с особыми талантами и амбициями, который поднялся бы на вершину любой организации. Но на самом деле Советский Союз не был просто политической системой, которую можно понять с помощью рациональных стандартов. СССР был утопической конструкцией, которую политическое руководство пыталось навязать обществу посредством безжалостного насилия. Таким образом, оно несло в себе жестокость. Поскольку этот момент не признается ни авторами, ни каким-либо другим ревизионистом, в их объяснениях упускается что-то важное. Если сосредоточиться на талантах и работоспособности Ежова, не говоря о том, что он на самом деле делал, и не оценивая, какое значение его действия значили для граждан утопического государства, то мы находимся на неправильном пути.

Ежов, несмотря на то, что его предметом является самый убийственный человек в чрезвычайно убийственной среде, вместо этого умудряется говорить о технологии построения карьеры в сталинской России. На его страницах обнаружено мало следов крови. Все было навсегда, пока его не стало: последнее советское поколение. Принстон, Нью-Джерси: Princeton University Press, 2006. 256 стр. Рецензия Кристофа

Нейдхарта, *Süddeutsche Zeitung* (Мюнхен) С началом холодной войны западные представления о Советском Союзе формировались под влиянием дихотомии. Запад отличал диссидентов от сочувствующих режиму, жертв от угнетателей, антикоммунистов от коммунистов (или, говоря языком сегодняшней политики, добра от зла). Жертвы носили такие ярлыки, как «демократы», и считались «на нашей стороне», тогда как «коммунисты» были врагами «свободного мира». Манипулируемые массы могли быть третьей категорией. Западный мир тоже относился к ним как к невольным жертвам режима. Советский Союз — это история, но преобладает дихотомический взгляд на его общество, тем более, что многие советские граждане, казалось, подтверждали этот дуализм. Они говорили о «моих» и «они», «мы» и «они». Обычно они не определяли своего «моего» или «мы», его природа была понята — и жидка, как и природа их «они» или «они». «Они» означали «других», Коммунистическую партию, тайную полицию или, в сегодняшнем упрощенном политическом лексиконе, плохих парней.

Работая в западной газете в Москве в последний период существования Советского Союза, этот рецензент поначалу находил категории «мой» и «они» весьма запутанными. «Моя» была разной группой для разных людей и разной в разное время. Кто-то мог принадлежать к чужому «моем», но через смену темы во время разговора вдруг стать частью чужого «они». Категории были нечеткими; дихотомии зависели от контекста.

С распадом Советского Союза многие российские ученые, которые были прекрасно адаптированы и лояльны к системе (например, имели хорошую профессиональную работу), пытались изображать себя пожизненными «диссидентами». Этому жителю Запада в Москве они показались неискренними. Диссидентом, согласно западному клише, был тот, кто активно выступал против режима. Трудно было считать кого-то диссидентом за чтение запрещенной литературы, прослушивание рок-музыки и анекдоты о коммунистической партии.

Куда в упрощенную черно-белую схему Запада следует поместить людей, которые ненавидели необразованных старых бюрократов в Кремле или мечтали о посткоммунистической России (или, в республиках, о независимой стране), но которые работали в университетах? профессоров или в престижных учреждениях, таких как телевизионные станции? Очевидно, они были частью системы, хотя и смогли убедить рецензента в своем глубоком несогласии с системой. А как насчет молодых людей, которые не подчинялись системе и не выступали против нее, но свели свое участие в ней до минимума? Многим людям удавалось совмещать оба пространства: официальную сферу режима и атмосферу диссидентства. Другие старались держаться подальше от любого, казалось бы, устоявшегося пространства.

Таким образом, социальные категории и предрассудки, с которыми западные СМИ смотрели на советское общество, не соответствовали реальной действительности. Великолепное исследование Алексея Юрчака «Все было вечно, пока его не стало больше» проливает свет на противоречивые интерпретации позднесоветского общества. Его книга станет незаменимой частью любой будущей историографии повседневной советской жизни.

«Каждый был в той или иной степени замешан в системе патронажа, лжи, воровства, хеджирования и двуличности, посредством которой действовала система», – цитирует Юрчак Сьюзен Гал и Гейл Клигман (стр. 7). Он показывает, что в рамках этого пересечения разных миров почти каждый владел разными разговорными языками, от партийного новояза до жаргона определенных субкультур. В частности, «тусовка», разрозненные группы молодых людей-единомышленников, посвятивших себя хобби, часто своего рода музыке, выработали свои собственные частные лингвистические коды. Умение разговаривать на разных подъязыках Юрчак называет «комсомольской разноязычностью» (с. 217). Он знакомит Андрея, молодого геолога, который после окончания университета вступил в комсомол по той единственной причине, что Комсомольский союз был единственным местом, где он мог найти легкий доступ к тому типу рок-музыки, который его больше всего интересовал. Рок-музыка была запрещена партией, считалась аморальной и декадентской, а будучи секретарем комитета комсомола Андрей выступал с речами, восхвалявшими «бескомпромиссное отношение к буржуазной идеологии и морали». Одновременно он организовывал рок-концерты самодельных коллективов (с. 217).

Андрей имел в виду то, что сказал? Осознавал ли он собственное противоречие? Был ли он слишком «наивен и некритичен» (стр. 220), чтобы «установить связь между западной музыкой и политикой антикоммунизма» (стр. 220), спрашивает Юрчак. Или же он был «чистым оппортунистом, который [...] носил маску комсомольского активиста из инструментальных и карьеристских соображений».

Юрчак не считает Андрея ни циником, ни наивным. Официальная речь в Советском Союзе, по мнению Юрчака, была лишена смысла. То, что сказал Андрей во время вечеринки или на комсомольском собрании, не считалось ни правдой, ни ложью; вместо этого он воспроизводил «нормализованные и фиксированные структуры» (с. 26) замороженного дискурса – он имитировал настоящие политические дебаты. Юрчак подчеркивает, что такая ситуация была у всех, даже у советских руководителей. «Этот процесс репликации происходил на уровне текстов, визуального дискурса идеологии (плакаты, фильмы, памятники, архитектура), ритуального дискурса (встречи, отчеты, институциональная практика, торжества) и во многих централизованных «формальных структурах» повседневная практика» (с. 26). Юрчак называет этот «советский авторитетный язык», ставший «цитативным и

замкнутым на всех уровнях структуры», «гипернормализованным» языком. «Процесс его нормализации не просто затронул все уровни языковой, текстовой и повествовательной структуры, но и стал самоцелью, результатом чего стали фиксированные и громоздкие формы языка, которые часто не интерпретировались и не могли быть легко интерпретированы на уровне констатирующего значения. ... Этот переход к гипернормализованному языку [...] является ключом к нашему пониманию позднего социализма» (стр. 150). По мнению Юрчака, это справедливо как для дискурса визуальной пропаганды и ритуалов, так и для собственно языка.

Совершив «обряды советского социализма», молодые люди, подобные Андрею, чувствовали себя свободными действовать вопреки своим собственным словам, особенно в городской среде. Они не считали себя путешественниками между разными субкультурами или убеждениями, потому что то, что они говорили в официальной обстановке, ничего не значило ни для них, ни для их аудитории.

Таким образом, при позднем социализме политический дискурс был всего лишь представлением. «Аудитория больше не читала его буквально. [...] Поэтому то, какие утверждения представляют собой «факты», а какие нет, было относительно неважно» (с. 76), как показывает Юрчак с помощью тщательного лингвистического анализа. Он утверждает, что в позднем социализме поэтическая функция этого застывшего авторитетного языка заняла центральное место. Далее он показывает, что эта языковая система могла бы оставаться стабильной, если бы Михаил Горбачев не нарушал ее правила. Введя «внешнего редактора», то есть голос, находящийся вне дискурса, Горбачев подорвал сам авторитетный дискурс. «Это открыло пространство для общественных дискуссий об авторитетном дискурсе». Юрчак, который использует слово «свой» (мы), а не «мой», утверждает, что эти словесные подгруппы «были конститутивными и неделимыми элементами советской системы, а не ее противоположностями» (стр. 288). Это, заключает он, помогает объяснить, почему советские люди считали свою систему неизменной, но не были особо удивлены ее крахом. Их повседневные разговоры предвосхищали оба исхода.

Эта книга, содержащая обширный антропологический материал, а также пронизательность и новаторскую теорию Юрчака, является обязательным к прочтению для всех, кто изучает тоталитарные общества.

Хелена Госсило и Андреа Лану, редакторы, «Гендер и национальная идентичность в русской культуре двадцатого века». Де Калб, Иллинойс: Издательство Университета Северного Иллинойса, 2006. 257 стр. Ткань стоимостью 38 долларов США; Бумага за 22,50 доллара.

Отзыв Рошель Голдберг Рутчайлд, Союзный институт и университет

Поразительная обложка в стиле Шагала, маскирующая и разоблачающая голую правду о российских представлениях о гендере и национальной идентичности в XX веке, приглашает читателя в эту амбициозную по своему размаху книгу. Редакторы задали тон своим вступительным эссе с метким названием «Затерянные в мифах». Описывая несколько веков «дихотомизированных гендерных стереотипов» в России и других странах, они цитируют, среди прочего, Зигмунда Фрейда, Юрия Лотмана и критиков-феминисток, специализирующихся на деконструкции дихотомии, таких как Элен Сиксу и Люс Иригарей. С тревогой отмечая невидимость гендера в последних работах по русскому национализму и формированию государства, Хелена Госсило и Андреа Лану справедливо утверждают, что такой «жизненно важный компонент национальной идентичности» нельзя игнорировать (стр. 9). Они противопоставляют этот разрыв обширной литературе за пределами славистики о гендерном разделении между мужским государством и женской нацией. Идеи этого исследования могут быть удачно применены к России, например, в контрасте между мужским пантеоном постекатерининских имперских, советских и постсоветских лидеров и образами подлинной Матери-России или Влажной Матери-Земли, почвы, которая «одновременно являясь чревом и могилой» (стр. 3).

Этот сборник из десяти эссе варьируется повсюду, как будто пытаюсь в одном томе восполнить предыдущее пренебрежение этой темой. Проницательное исследование Госчило многочисленных слоев общественного вдовства в России охватывает очень многое, включая крестьянские образы, массовую культуру и такие знаковые фигуры, как Анна Ахматова, вдова как нация. Надежда Мандельштам, утверждает Госчило, «аномальным образом сочетает традицию и революцию» (стр. 65); реакция на заботу Елены Боннэр о наследии Андрея Сахарова отражает снижение статуса вдовы в постсоветский период. Элизабет Джонс Хеменуэй исследует мемориальную литературу 1920-х годов о выдающихся женщинах-коммунистах и приходит к выводу, что такие портреты чтят их жертву, одновременно «конструируя их святые профили так, чтобы они вписывались в формирующийся портрет риторически провозглашенной советской национальной семьи того периода» (стр. 88). Лиля Кагановская критикует фильм Николая Экка 1931 года «Дорога к жизни» за его расизм, закодированную гомосексуальность и динамику власти/удовольствия. Два эссе посвящены послесталинскому периоду. Елена Прохорова акцентирует внимание на брежневской эпохе и образе советской мужественности «после отца» (с. 131). Мишель Ривкин-Фиш проницательно обращается к формулировкам российского «демографического кризиса» от Леонида Брежнева до Владимира Путина.

Редакция разумно включила в качестве заглавного эссе обсуждение структуры

русского языка. Валентина Зайцева в своей проницательной работе «Национальная, культурная и гендерная идентичность в русском языке» исследует гендерлект, «как грамматическая категория пола действует на различных языковых уровнях, способствуя как объединяющему чувству национальной идентичности, так и глубокому социальному расколу». между русскими мужчинами и женщинами» (с. 30).

Язык, как русский, так и английский, здесь очень важен. Хотя некоторые эссе содержат много жаргона, общий уровень написания весьма впечатляет. Остроумных оборотов предостаточно; каламбуры разбросаны по всему объему.

Книга отражает здоровый диапазон точек зрения. В провокационном обзоре применения архетипа проституции в постсоветском мире Элиот Боренштейн демонстрирует, как «метафорическая проститутка распространяет идеологию как своего рода «текстуально передаваемую болезнь»» (стр. 190). Противодействуя мрачности Боренштейна, Яна Хашамова в своем обзоре постсоветского кино постулирует «новую динамику, которая, пусть и робко, противостоит традиционной патриархальной структуре», демонстрируя «решающее женское присутствие, влиятельных матерей и успешных женщин-профессионалов» (стр. 197). Хашамова выступает за эволюцию тем фильма после распада Советского Союза, от хаоса первых лет до появления нового социального порядка, отмеченного «большим разнообразием женских ролей и травматической адаптацией мужчин к самым последним социальным изменениям». (с. 196). В обзоре преимущественно мужской гомосексуальной общественной жизни в Санкт-Петербурге и Москве Люк Бодуан подчеркивает тему, общую для многих эссе: «Советская идеализированная модель гендерного равенства в значительной степени распалась, заменившись гипермаскулинизированной культурой сексуального потребления». (с. 235). Несмотря на неопровержимые доказательства глубокой гомофобии среди россиян, Бодуан оптимистично настроен по поводу того, что геи и лесбиянки в конечном итоге будут приняты, «с гордостью нося свои гендерные плащи на националистическом показе мод» (стр. 236).

Во многих эссе обсуждается популярная культура. При этом они во многом отражают позицию элиты, формирующей общественное мнение, общественной интеллигенции и представителей средств массовой информации, сосредоточенных в двух крупнейших городах России. Такой акцент может быть неизбежен, но он также может затемнить и чрезмерно упростить многослойную культуру страны, охватывающей одиннадцать часовых поясов.

Если оставить в стороне эту оговорку, Госсило и Лану следует похвалить за их превосходный объем. Можно надеяться, что представленная здесь стипендия будет стимулировать дальнейшие исследования и работы по этой весьма важной теме.

Вильфрид Лот, *Die Sowjetunion und die deutsche Frage: Studien zur sowjetischen Deutschlandpolitik von Stalin bis Хрущёв*. Геттинген, Германия: Ванденхук и Рупрехт, 2007. 318 стр. £ 24,90. Рецензия Питера Гридера, Университет Халла (Великобритания)

В 1994 году немецкий историк Вильфрид Лот опубликовал свою весьма противоречивую книгу «*Stalins ungeliebtes Kind*» («Нелюбимый ребенок Сталина»), в которой на основе недавно опубликованных восточногерманских источников утверждалось, что советский диктатор и его непосредственные преемники никогда не хотели создания отдельного коммунистического государства на востоке, а вместо этого стремились к единой, либерально-демократической и нейтральной Германии. Тринадцать лет спустя Лот написал вторую книгу, основанную в основном на советских источниках, подтвердив основные выводы первой. Он цитирует документы из шести московских архивов, наиболее важными из которых являются архив МИД России, Государственный архив общественно-политической истории (бывший Центральный партийный архив) и Президентский архив. В приложения включены пятнадцать переведенных документов, касающихся происхождения так называемой «ноты Сталина» в марте 1952 года, а также выдержки из выступления премьер-министра СССР Георгия Маленкова 2 июня 1953 года. Они занимают 67 страниц и должны оказаться неоценимыми для историков. Однако, как признает сам Лот на стр. 70, он не получил доступа к архивам Минобороны России и органов госбезопасности.

Книга разделена на девять глав: Сталин, германский вопрос и Германская Демократическая Республика (ГДР); планирование во время Второй мировой войны; немецкий вопрос в конце войны; дорога к разделению; основание ГДР; истоки «Записки Сталина»; конец легенды; восстание 17 июня 1953 г. в международном контексте; и Сталин, Берия и Хрущев. Шесть глав появились в виде статей или глав в отредактированных томах несколько лет назад. Еще три – оригинальные произведения. Все они тщательно исследованы, очень информативны и хорошо написаны. Главы 2 и 3 особенно впечатляют, демонстрируя, что до конца марта 1945 года Иосиф Сталин хотел разделить Германию на ряд государств. Глава 7 также убедительна, поскольку в ней не упоминается аргумент Германа Грамля о том, что предложение Сталина воссоединить Германию в качестве нейтральной страны (так называемая «нота Сталина» от 10 марта 1952 года) было не чем иным, как пропагандистским трюком.

Что касается вторичной литературы, то в библиографии отсутствует одна важная книга: книга Дирка Спилкера «Лидерство Восточной Германии и разделение Германии: патриотизм и пропаганда, 1945–1953» (Нью-Йорк: Oxford University Press, 2006). Книга Спилкера появилась за год до того, как *Die Sowjetunion und die deutsche Frage* вышла в печать, вероятно, слишком поздно, чтобы быть включенной в нее. Это упущение вызывает сожаление, поскольку Спилкер убедительно опровергает

центральный тезис Лота, и его книге суждено стать авторитетным трудом по этой теме. Вопреки утверждению Лота во введении (стр. 8), советские источники не обязательно подтверждают его основное утверждение о том, что Сталин выступал за единую, либерально-демократическую и нейтральную Германию в первое десятилетие после Второй мировой войны. Все, что они показывают, это то, что советский лидер поддерживал единую и нейтральную Германию, которая еще не была полностью коммунистической. Разница между этими двумя позициями имеет решающее значение. В конце концов, сама ГДР официально не стала «социалистической» до тех пор, пока в 1960 году не была завершена коллективизация сельского хозяйства. До этого момента официально считалось, что ГДР находится в переходном периоде. Заявление Маленкова перед делегацией руководителей ГДР 2 июня 1953 г. о том, что Германия должна стать «буржуазно-демократической республикой» с конституцией, аналогичной конституции Веймарской республики (с. 218-219, 302), вряд ли подтверждает доводы Лота. В конце концов, конституция Восточной Германии 1949 года также напоминала конституцию Веймара, но служила основой для тоталитаризма.

Чего Лот не может понять, так это того, что Сталин и его непосредственные преемники (за возможным исключением Лаврентия Берии, советского министра внутренних дел с марта по июнь 1953 года) выступали за объединенную и нейтральную Германию только в том случае, если ею управляло левое правительство. приверженец строительства социализма советского типа. Если бы такое правительство могло быть свободно избрано, с их точки зрения, тем лучше, но выборы были лишь тактическим средством обеспечения долгосрочного советского контроля над страной. Таким образом, «демократическая» Германия, задуманная Сталиным, не была, как утверждает Лот (стр. 16), совместимой с западной идеей демократии.

Видение Москвы, судя по всему, заключалось в том, чтобы правительство под руководством коммунистов радикально реализовало положения Потсдамского соглашения от августа 1945 года, касающиеся декартелизации, демилитаризации и денацификации. Марксисты-ленинисты считали их необходимыми для уничтожения источников войны в Германии — монополистического капитализма и юнкерских землевладельцев в Пруссии. Инструментом Советского Союза была Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ), основанная в советской оккупационной зоне в конце апреля 1946 года. Первоначально СЕПГ была результатом насильственного слияния Социал-демократической партии и Коммунистической партии. «особый немецкий путь к социализму», основанный на парламентской демократии. Это было сочтено необходимым, поскольку западные союзники контролировали две трети страны. Сталин никогда не исключал возможности превратить советскую зону оккупации в отдельное коммунистическое

государство на востоке, но это было его минимальной повесткой дня и наименее благоприятным сценарием. Однако именно это он и получил, отчасти потому, что его методы подорвали его цели, а отчасти потому, что у западных держав было совершенно иное видение. 7 октября 1949 года родилась ГДР, через четыре с половиной месяца после основания Федеративной Республики Германия на Западе.

Книга «Die Sowjetunion und die deutsche Frage» детализирована, ясна, заставляет задуматься, хорошо структурирована и основана на увлекательном исходном материале. Что бы вы ни думали о сути гегемонии США, это стимулирует требования, чтобы другими странами управляли правительства, проводящие политику, совместимую с интересами США. В-третьих, стремление США изменить мир необоснованно и обречено на провал. Лэйн утверждает, что история могущественных империй показывает, что в конечном итоге все они попадают в ловушку чрезмерного расширения, ненужных военных затруднений и чрезмерного интервенционизма. Неизбежно последует антигегемонистская реакция и стратегии противодействия.

За последние тридцать лет такие ученые, как Дэниел Ергин, Майкл Хоган и Мелвин Лефер, разработали ответвления этой интерпретации. С эмпирической точки зрения Лэйну нечего добавить к их детальному балансу превосходства Америки в силе с 1945 года. Стиль в американской политике». Для Хофштадтера паранойя и всепроникающее чувство уязвимости являются побочными продуктами американской «исключительности»: американское общество, утверждает он, подвержено ощущению одиночества и постоянной осажденности, потому что оно считает свои ценности и институты выше всех остальных. Лэйн убедительно разъясняет долгосрочные последствия этой двусмысленной традиции: тотальным угрозам необходимо противостоять тотальной обороне и абсолютной безопасности. Госсекретарь Дин Раск выразил эту точку зрения, заявив, что Соединенные Штаты будут в безопасности «только в той степени, в которой безопасна вся их окружающая среда». Это звучит как детерриториальное определение «национальной безопасности», политика, которая отделяет концепцию безопасности от территориальной защиты родины США. Вместо осязаемых факторов, таких как географическое положение и распределение власти, безопасность – это неограниченные и открытые проблемы. Под потенциальной угрозой беспокойных границ где бы то ни было, Соединенные Штаты постоянно расширяют периметры своей обороны, не продвигаясь ни на дюйм. По словам Лэйна, «каждый новый оборонительный периметр подвергается угрозе беспорядков по другую сторону линии». Не имея возможности или не желая определить точку, за пределами которой интересы безопасности США не будут затрагиваться, политики уступают угрозам и преувеличению угроз, поощряя менталитет крестоносцев и политические рецепты катастрофы, несмотря на опыт Вьетнама.

Можно возразить, что Лэйн слишком мало уделяет этому подходу. В дополнение к противоречивым суждениям о годах холодной войны и иногда наивному восприятию советской политики, он предлагает лишь отрывочный отчет в подтверждение своего утверждения о том, что Соединенные Штаты платят высокую внутреннюю цену за свою традиционную политику безопасности. Расширение государства национальной безопасности, усиление власти имперского президента и уменьшение авторитета Конгресса во внешней политике – все эти вопросы называются очень важными, но обсуждаются лишь вскользь. Это тем более прискорбно в свете предложенной внешнеполитической альтернативы. По мнению Лэйна, Соединённые Штаты должны стать «оффшорным балансиром», уведя свою военную мощь из Европы, Восточной Азии и Ближнего Востока и переложив на другие крупные державы основную ответственность за защиту этих территорий. Однако какова внутренняя обстановка для такого далеко идущего отхода от гегемонии? С какими последствиями столкнутся Соединенные Штаты внутри страны, если они откажутся изменить курс? Как должна выглядеть система международной безопасности, основанная на региональных полюсах силы? Одна книга